

РУССКАЯ СПЕЦСЛУЖБА – ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО

ФСБ РУССКИЙ
007

С е р г е й   Д о н с к о й

**ДАТУ СМЕРТИ
ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ**

Капитан ФСБ Евгений Бондарь

Сергей Донской

Дату смерти изменить нельзя

«Автор»

Донской С. Г.

Дату смерти изменить нельзя / С. Г. Донской — «Автор»,
— (Капитан ФСБ Евгений Бондарь)

Письмо, пришедшее на сайт ФСБ, вызвало у чекистов неподдельный интерес. В нем сообщалось, что Северной Кореей готовится тайная операция по извлечению из Японского моря американских атомных бомб, затонувших сорок лет назад. КНДР давно страшит мир ядерным оружием, и, похоже, эти угрозы имеют вполне конкретный характер. Подводную авантюру корейцев следует пресечь. В недрах ФСБ разрабатывается контроперация, ответственным за которую назначается капитан Бондарь. Когда за дело берется Бондарь, можно не сомневаться – задание будет выполнено. Свистать всех наверх!

© Донской С. Г.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Донской

Дату смерти изменить нельзя

Глава 1

Заседание объявляется открытым

Улочка Первореченская ничем не отличается от множества подобных улочек Корейской слободки на окраине Владивостока. Не слишком чистая, но и не слишком грязная, косо протянувшаяся по южному склону Куперовой пади, она стихийно возникла в конце XIX века, когда был подписан договор об установлении дипломатических отношений между Российской империей и королевством Корея. И если в 1864 году в бухте около военного поста обосновалось всего четырнадцать корейских семей, то через четыре года в слободке насчитывалось уже около 2000 поселенцев.

Как и у себя на родине, корейцы поначалу тихо-мирно занимались земледелием, выращивая невиданные урожаи проса, ячменя, редьки, картофеля, огурцов и перца. Все было хорошо до того дня, когда обитатели слободки решили, что торговать мясом значительно выгоднее, чем овощами. Дисциплинированные, трудолюбивые корейцы взялись разводить свиней с таким рвением, что очень скоро легионы хрюшек наводнили не только окрестности сопки, но и оккупировали центральные улицы города, оскорбляя своим видом и поведением нежные чувства дам. Кавалеры вспыхнули праведным гневом. Однажды темной ночью во Владивостоке произошла жесточайшая резня, в результате которой были перебиты почти все корейские свиньи.

Переусердствовавших хозяев хрюшек тогда пощадили, сделали скидку на их темное средневековое сознание. Не сильно заделали корейцев и сталинские репрессии за пособничество японским милитаристам, так что столетие спустя диаспора насчитывала уже около 30 тысяч человек, а в слободку приезжали все новые и новые поселенцы. «Они держатся сплоченно и обособленно, как пионеры эпохи покорения Дикого Запада», – восторгался местный журналист, плохо разбиравшийся в особенностях азиатского характера.

Покорителям американского континента и не снилась сплоченность того рода, которую демонстрировали выходцы из Кореи. Это была «монолитность рисовых зерен, утрамбованных в одном мешке», как образно выражались у них на родине – в стране, населенной нищими крестьянами, которые никогда бы не выжили без постоянной поддержки друг друга.

В Европе или в Америке семья земледельцев могла прокормиться и собственными силами, но на Дальнем Востоке, где основной сельскохозяйственной культурой был рис, рис и снова рис, дела обстояли иначе. Один гектар рисовой плантации мог насытить гораздо больше людей, чем гектар пашни или пастбища. Однако, являясь идеальной пищей для густонаселенной страны, рис требовал громадных затрат коллективного труда. Его высевали не на ровные сухие поля, как пшеницу, а вручную, стоя по колено в воде, согнувшись под палящим солнцем. Это делали всей деревней, а кроме того, совместными усилиями возводили дамбы и каналы, строили дома, храмы, школы, даже создавали кассы взаимопомощи, за многие века предвосхищая идеи социализма. Корейские деревни представляли собой настоящие коммуны, существующие по принципу «один за всех, все за одного».

Корейцы веками впитывали дух общины, он проникал в их кровь с материнским молоком, с рисовым отваром, коллективизм был неотъемлемой составляющей их натуры. Дополнительно объединяла их великая общая идея – освоение новых жизненных пространств. К исходу XXI века сыны Страны утренней свежести намеревались заселить все пустующие просторы Дальнего Востока и Сибири, хотя откровенничать на эту тему было не принято. Наоборот,

подчеркивая свое миролюбивое и добрососедское отношение к русским, члены владивостокской общины учреждали всевозможные союзы, объединения и организации корейско-русской дружбы.

Одна из подобных общественных организаций возникла в угловом доме на пересечении улиц Первореченская и Краснооктябрьская – возникла без лишней помпы, разрезаний ленточек и торжественных речей. Просто стоял себе обшарпанный двухэтажный дом, явно нуждавшийся в капитальном ремонте, а потом жильцы неожиданно съехали, получив предложения о выгодном обмене жилплощади. Уже через месяц обновленный фасад украсила неброская табличка, свидетельствующая о том, что внутри размещается Общество Российско-Корейской Интеграции, сокращенно ОРКИ. Поэтическое название «Утренняя заря», фигурировавшее на табличке, не стало приманкой для обитателей слободки. Более того, многие из них предпочитали обходить свежоштукатуренный дом десятой дорогой или, по крайней мере, старались не появляться поблизости без особой необходимости. Что касается туристов, то они сюда вообще не заглядывали, любуясь куда более живописными достопримечательностями Владивостока. А если бы и завернул в ОРКИ случайный прохожий, то он не увидел бы тут ничего такого, что могло бы оправдать его любопытство.

Вот она – приемная Общества, – добро пожаловать. Чистота, порядок и вызывающее, бросающееся в глаза убожество: пара письменных столов по углам, разошедшиеся стулья, старенький компьютер с севшим монитором, обшарпанный линолеум, фикусы в допотопных горшках, дешевые обои, неумело сколоченные стенды на стенах – все это вызывает судорожную зевоту и желание бежать без оглядки, пока вы не превратились в одну из тех сдохших от тоски мух, что покоятся между закупоренными навеки рамами. Но не надейтесь так легко отделаться от приторно-вежливых корейцев, которые, радуясь появлению любого посетителя, кинутся рассказывать вам о деятельности ОРКИ, предусмотрительно придерживая вас за рукав. Вы узнаете, что стараниями Общества на улице Хабаровской появился памятник в память 60-летия депортации российских корейцев, что на радиоволне станции «Владивосток» регулярно звучит программа о Стране утренней свежести и ее жителях, что не без участия жителей слободки в городе Инчхоне, бывшем Чемульпо, воздвигнут мемориальный комплекс в честь подвига крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец».

А если взятый в оборот визитер и после этой ознакомительной лекции не изъявит желания немедленно ретироваться на свежий воздух, то ему поднесут чашку чая и предложат насладиться чудесной песней, записанной на лазерный диск специально для подобных случаев. И польется из стереодинамиков звонкая музыка, и трогательный девичий голосок затянет первый из сорока восьми куплетов про то, как давным-давно жители маленькой корейской деревушки Тизинхэ перебрались в поселок на берегу залива, носящий русское название Владивосток. Они остались там навсегда, но их дети, внуки и правнуки обязаны помнить, что за сопками несет свои воды в океан река Тюмень-ула. Она берет свое начало из озера, которое лежит высоко в горах Тян Пэ Сян. Камни на его берегах такие легкие, что не тонут в воде. За этой рекой лежит их родная земля – Страна утренней свежести, куда они когда-нибудь обязательно вернутся с победой.

С какой победой? Над кем? Об этом песня умалчивала.

И вообще в тот чудесный весенний день, о котором идет речь, в холле Общества царили тишина и скука, а главные события развивались на втором этаже, проникнуть куда без приглашения было очень и очень затруднительно. Там собрались только свои. Надежные, неоднократно проверенные в деле активисты ОРКИ. Что примечательно, внешность всех без исключения свидетельствовала об их корейском происхождении, хотя им вроде как следовало крепить и ширить связи с русским народом.

Съезжаться и сходиться в здание активисты начали за полтора часа до заседания, назначенного на 19.00. Неприметные с виду мужчины входили как через парадную дверь, так и со

двора, кто по одному, кто по двое. На подобные встречи они прибывали со всех концов Дальнего Востока, но каждый знал, когда именно обязан прибыть и с какого хода войти.

На лестничной площадке гостей встречали вежливые корейские юноши в кроссовках, спортивных штанах и кожанках, достаточно просторных, чтобы под ними можно было спрятать хоть милицейские дубинки, хоть ножи, хоть оружие посерьезней. Никаких эксцессов не предвиделось, но на всякий случай были приняты и другие меры предосторожности: работали тайные системы оповещения, оба входа просматривались с телеэкранов, поблизости дежурили «Жигули» с невидимыми за тонированными стеклами сидоками. Кроме того, на первом этаже хранились заранее заготовленные протоколы заседания, предназначенные для предъявления непрошеным гостям. Расписанный по минутам регламент свидетельствовал о том, что у членов Общества «Утренняя заря» дел не впрокорот, хлопот полон рот. Сначала они намеревались обсудить возможность организации рок-фестиваля, приуроченного к дню рождения Виктора Цоя, затем им предстояло выслушать отчет о ходе конкурса на лучший эскиз памятника первым корейским поселенцам в Хасанском районе, далее на повестке дня стояло еще шесть не менее важных вопросов.

Ознакомишься с таким регламентом, и невольно восхиотишься самоотверженностью людей, отдающих столько времени и энергии укреплению российско-корейской дружбы.

Между тем деятельность активистов ОРКИ была еще более бурной, чем могло показаться непосвященному.

Гораздо более бурной.

Ровно в семь часов в зале заседаний расселись – кто уверенно, а кто робко – двадцать человек, цвет общества. Они заняли места в соответствии с порядковыми номерами. Цифры заменяли здесь имена, да и те, секретности ради, каждый месяц смещались на единицу по кругу. Никто не закурил – употребление никотина и алкоголя среди активистов не приветствовалось. Мужчины просто сидели за столом и подобострастно смотрели на дверь, в которую должен был войти Председатель. Он был двадцать первым по счету.

Председатель последним занял свое место во главе стола, по-корейски произнес:

– Здравствуйте, товарищи.

– Ан ньонг. Ха-шим-ни-ка.

Товарищи откликнулись немного вразнобой, но дружно. В переводе на русский некоторые ответные реплики звучали как вопросы: «Куда вы идете?» и «Ели ли вы?» Это были общепринятые формулы приветствия, которые не следовало воспринимать как проявление излишнего любопытства. Собравшиеся отлично знали, что в данный момент Председатель никуда не идет и вполне сыт. Вопросы не подразумевали ответов. Их задавали исключительно из вежливости – трудно было придумать более подходящую форму приветствия для жителей страны, где на протяжении многих веков мало кто мог насладиться уединением и полным желудком.

– Чо-сум-ни да, – кивнул Председатель. – Все в порядке.

Ему всегда было приятно сознавать, что родная корейская речь все чаще звучит в чужом городе Владивостоке. Он полагал, что соотечественники обязаны в совершенстве владеть языком предков, даже те, кто носит русские имена и женат на русских женщинах. Например, Председателя звали Константином, что не мешало ему оставаться корейцем до мозга костей. Ведь он был не просто Константином, а *Константином Ли*. Носителем и продолжателем пятитысячелетних традиций своей исторической родины.

– Сегодня мы должны обсудить много важных вопросов, товарищи, – значительно произнес Председатель, обводя взглядом подчиненных. – Очень важных, очень.

Ему нравилось находиться в центре внимания, нравилось ощущать безраздельную власть над людьми, нравилось обращение «товарищи». Никто не смел ни отводить взгляд, ни смотреть на Председателя чересчур долго. Постоянное балансирование на грани между позволительным и недопустимым держало подчиненных в нервном напряжении, а постоянное напряже-

ние порождало страх, тем самым подавляя волю, как хорошо знали величайшие исторические личности: Чингисхан, Конфуций, Мао Цзэдун, Пол Пот, Ким Ир Сен. Простые смертные преклонялись перед ними не потому, что те были богами, а потому что умели таковыми представляться.

Председатель знал, каким образом держаться, чтобы внушать уважение окружающим. Его хилое телосложение с лихвой окупалось массивной головой, сидящей на плечах столь прочно, что обычно обладателю приходилось поворачиваться к собеседнику всем корпусом, почти не двигая шеей. Из-за этой особенности и малоподвижного бронзового лица он смахивал на свой собственный бюст, возвышающийся над поверхностью стола. Происходи дело не во Владивостоке, а в Пхеньяне, Председатель не расставался бы с френчем полувоенного образца, но и в штатском костюме он смотрелся так внушительно, что впору стоять на трибуне рядом с самим Ким Чен Иром. «Кто знает? – размышляли участники заседания. – Может, однажды так и случится».

Смерив присутствующих испытывающим взглядом, Председатель провозгласил:

– Вопрос первый касается не столько всех сидящих передо мной товарищей, сколько одного из вас. Правда, называть его товарищем язык не поворачивается. Он знает, почему.

Девятнадцать мужчин смотрели на Председателя, не мигая. Опустил взгляд только один, носящий порядковый номер двенадцать. Опустил и сразу вскинул, но этого было достаточно. Донесение о проступке активиста ОРКИ было дважды перепроверено, однако своим глазам и чутью Председатель доверял больше. Не торопясь, он сунул руку под стол, нажал вмонтированную в крышку кнопку и произнес:

– Ладно, о плохом позже. Сначала – приятный сюрприз.

Мелко семена, в зал впорхнули три юные кореянки с расписными подносами в руках. Все они носили длинные узкие юбки, сковывающие шаг, но, с точки зрения европейца, их одевание нельзя было назвать целомудренным. Кофты девушек с глубоким вырезом абсолютно не прикрывали грудь, как это было принято у них на родине вплоть до начала XX века. Обнаженная женская грудь была в порядке вещей, тогда как юбки до колен поначалу представлялись корейцам воплощением разврата. Правда, за последнее время многое изменилось. Собравшиеся за столом мужчины заерзали, выдавая охватившее их возбуждение. Именно такого эффекта добивался Председатель. Не усыпив бдительность врага, не проведешь внезапную атаку.

– Вот видите, – молвил Председатель, любуясь девушками, – противостоять тлетворному влиянию Запада легко и приятно. Достаточно следовать вековым традициям нашего великого народа.

Мужчины одобрительно загудели, принимая из рук девушек керамические чашки на блюдцах, салфетки и небольшие матерчатые мешочки, украшенные бисером. На каждом мешочке были вышиты цифры, соответствующие порядковым номерам участников заседания. Завязанные на манер кисетов, они таили в себе какой-то сыпучий, мелкий на ощупь порошок. Заглянуть внутрь никто без разрешения не решился. Прикоснуться к чашкам – тоже. Все ждали особого приглашения, а оно последовало не раньше, чем девушки в национальных одеждах покинули помещение.

– Смелее, товарищи, – улыбнулся Председатель. – Боящийся обжечь губы никогда не распробует восхитительного вкуса чха.

Имелся в виду чай, хотя корейцы давно уже отказались от потребления этого напитка в чистом виде. Чайные церемонии были слишком тесно связаны с буддистскими традициями враждебных государств: Китая и Японии. Еще Ким Ир Сен призвал соотечественников отказаться от «чуждого национальному самосознанию» чая, перейдя на нейтральный кофе или на отвары из ячменя, женьшеня, арахиса, корицы. Напиток, поданный участникам заседания, именовался «сэнганчха», что означало «чай из имбиря». Пригубив его, все, как по команде,

закатали глаза и защелкали языками, выражая тем самым свое восхищение. Это был подходящий момент для нанесения неожиданного удара.

– Не могу не отметить, – произнес Председатель, предостерегающе поднимая палец, – что по-настоящему наслаждаться вкусом чха способен лишь тот, у кого чиста совесть. Догадываетесь, почему? Испытывающий вину человек убивает себя до казни. – Председатель скользнул взглядом по обращенным к нему лицам. – Это мучительная смерть, товарищи. Вместо того, чтобы медленно отравлять себя ядовитой желчью страха, пусть тот, кто чувствует за собой вину, встанет и честно признается в своем проступке. Может быть, мы простим его. Может быть, покараем. Но виновный снимет с души камень, облегчив тем самым свою участь. Верно я говорю, товарищи?

– Да, да, – утвердительно закивали присутствующие, поглядывая друг на друга исподлобья. – Да, да.

В корейском произношении «да, да» звучало как многократное «нет». Председатель, долгие годы проживший в России, поймал себя на мысли, что в его мозгу происходит невольное искажение смысла родного слова. Это отозвалось болезненным уколом в сердце. Отодвинутая посуда звякнула, заставив активистов ОРКИ вздрогнуть. Председатель, как правило, не позволял себе столь порывистых жестов. Черты его непроницаемого лица казались более тяжелыми, чем обычно.

– Все мы понимаем, – молвил он, – какая огромная ответственность возложена на плечи нашего маленького коллектива. Родина ждет от нас доклада об успешном завершении операции. В такие моменты каждая мелочь имеет значение, каждый пустяк. Вернее, – поправился Председатель, – в такие моменты нет мелочей. – Он остановил взгляд на сидящем в дальнем углу стола. – Встаньте, товарищ Седьмой, прошу вас.

Пак Киль Хун, председатель Приморской Ассоциации Строителей КНДР, немедленно подчинился. Он стоял неподвижно, держа руки по швам, и смотрел прямо в глаза Председателю.

– Ответьте нам прямо, – предложил тот, – вправе ли мы привлекать к Обществу излишнее внимание, которое может помешать нам осуществить задуманное?

– Нет, – каркнул Седьмой по-русски.

– Вы забыли родной язык? – удивился Председатель.

– Никак нет! – спохватился Седьмой. – А-ним-ни-да!

– И это правильно. Каких плодов можно ожидать от растения, лишенного корней? – Сделав паузу, Председатель похлопал ладонью по столу, призывая присутствующих к вниманию, которое и без того было неослабным. – Растение, лишенное корней, засыхает. Его выкорчевывают и выбрасывают, освобождая место свежей поросли. Но в первую очередь избавляются от сорняков, способных погубить поле. Даже один-единственный сорняк вредит общему делу. Не так ли, товарищ Седьмой?

– Так, – просипел несчастный Пак Киль Хун, плохо соображая, о чем идет речь.

Он понимал лишь, что стоит не просто за столом – стоит на краю пропасти, разверзшейся у его ног. Хуже всего было то, что остальные сидели. Тем самым Председатель давал понять, кого здесь он считает сорняком, подлежащим выкорчевыванию. И голос его преисполнился негодования, когда он продолжил:

– До меня дошли слухи, товарищи. Нехорошие слухи,стораживающие. Тщательная проверка их подтвердила. Суть дела в следующем. Дальний родственник одного из присутствующих, семнадцатилетний оболтус, имя которого Пак Хак Ман, недавно совершил злодеяние. – Взор Председателя скользнул по окаменевшим лицам. – Кто знает, кого я имею в виду? Кто может поведать нам, в чем заключается преступление мальчишки?

Активисты ОРКИ как в рот воды набрали. Речь могла идти о родственнике кого угодно из присутствующих. Мало ли на свете мальчишек, носящих фамилию Пак, – одну из самых распространенных в Корее?

Корейские фамилии обычно односложные, причем они всегда пишутся и произносятся в первую очередь, а не так, как это принято в России. Таким образом, типичное корейское имя состоит из трех слогов. Первый является фамилией, а второй и третий – собственно именем: Пак Хак Ман, Пак Киль Хун, Пак Ун Кыг и так далее, и тому подобное. Примерно тридцать процентов членов ОРКИ являлись Паками, и у каждого имелось множество племянников, которые запросто могли носить такую фамилию. Оставалось лишь молчать и надеяться, что тучи сгущаются над чьими-то чужими головами.

Мужчины молчали и надеялись.

– Что ж, – продолжал Председатель, – я и не рассчитывал на чистосердечное признание. Совершающий подлые поступки человек, как правило, труслив, он не желает отвечать за содеянное. Но мы не позволим ему оставаться в тени, товарищи. Как говорит товарищ Ким Чен Ир, «всякое негативное действие должно встречать позитивное противодействие, в этом состоит гармония мира». Нужен ли нам мир, в котором отсутствует гармония?

– А-ним-ни-да, – пронеслось по залу. – Ни в коем случае.

– А-ни-йо, – присоединился к общему хору Пак Киль Хун, носящий порядковый номер Семь.

Его голос дрожал, как у приговоренного к смертной казни. Он чувствовал себя членом сложнейшего уравнения, подлежащим сокращению. Винтиком громадного механизма, уже почти списанным за ненадобностью.

Глава 2

Что значит задать перцу

Посвящая подчиненных в подробности проступка мальчишки Пак Хак Мана, Председатель видел, что стоящий перед ним Седьмой отчаянно трусит, и в душе понимал его состояние. Он видел также, что сидящий за столом Двенадцатый сильно вспотел, хотя пытается держаться уверенно и непринужденно. Напрасный труд. Председатель с самого начала взял его на заметку. Все, что делалось и говорилось с тех пор, было лишь данью традиции. Урок должен быть ярким и поучительным, иначе он плохо усваивается. А Председатель не принадлежал к числу людей, готовых повторять одно и то же дважды.

– Хочу обратить ваше внимание на следующее обстоятельство, товарищи, – произнес он, скрестив руки на груди. – То, что двоюродный племянник одного из присутствующих изнасиловал русскую девушку, само по себе не хорошо и не плохо. Это личное дело Пак Хак Мана, как вести себя с одноклассниками. Если он нарушил закон, то пусть его накажут. Если он нарушил закон и сумел проделать это таким образом, чтобы избежать наказания, то это тоже касается Пак Хак Мана, и только его одного. – Выброшенная вперед рука Председателя описала широкую дугу. – Вы мужчины, и вы вправе сами решать свою судьбу. Но если речь идет об общем деле... Да-да, если речь идет об общем деле, то это уже другой, совсем другой разговор. Когда дядя малолетнего паршивца обратился к родителям опозоренной девочки и настоятельно посоветовал им забрать заявление из милиции, он подвел всех нас. – Председатель сокрушенно покачал массивной головой. – Этот человек позволил себе намекнуть, что за ним стоит могучая организация, способная отомстить обидчикам. Не имея на то полномочий, он позволил себе говорить от имени нашего Общества.

– Да как он посмел? – возмущенно загомонили активисты. – Вступаться за насильника: слуханное ли дело? Ни стыда, ни совести у этого человека!

– Негодяй! – запоздало выкрикнул Седьмой, хриплый голос которого прозвучал уже в тишине, поскольку все умолкли, повинувшись властному жесту Председателя.

– Дело не в совести, товарищи, – наставительно произнес Председатель. – И уж тем более не в изнасиловании русской девушки. Мне не нужна ваша нравственность, мне нужна дисциплина. Коллектив боеспособен, пока надежен каждый, оступись один – провал ожидает всех. Человек, упомянувший наше Общество, нарушил главный принцип конспирации. А что, если милиции вздумается проверить, насколько обоснован брошенная угроза? – Председатель вопросительно приподнял брови. – Что, если официальные власти заинтересуются нашей деятельностью?

Седьмой нервно дернул кадыком, физически ощущая угнетающую тяжесть устремленных на него взглядов. Он не был причастен к озвученному Председателем инциденту, однако не решался попросить слово для защиты. Его пока что не обвиняли напрямую, так что оправдания были вроде как неуместны. С другой стороны, Седьмой по-прежнему стоял, одинокий и уязвимый, как громоотвод посреди пустыни, тогда как остальные сидели, излучая волны подозрительности и негодования.

Что это значит? Чем это закончится?

Председатель умышленно затягивал паузу, давая возможность подчиненным как следует проникнуться важностью момента. Убедившись, что обстановка в зале накалена до нужной кондиции, он неожиданно улыбнулся и подмигнул Седьмому:

– Ох уж эта молодежь! Наши дети и племянники вечно заваривают кашу, а нам расхлебывай.

– Я не имею никакого отношения к Пак Хак Ману, – поспешил заявить Седьмой. – Он мне не родственник. – Голос предательски задрожал и сорвался. – И я ни... никогда не позволял себе нарушать конспирацию.

– Разве я о чем-то тебя спросил, дорогой товарищ? – удивился Председатель. – Разве усомнился в твоей дисциплинированности, в твоей преданности? Я просто сказал, что одни заваривают кашу, а другие ее расхлебывают. Но не беда. – Председатель уже не просто улыбался, а сиял всем своим крупным лицом, напоминающим хорошо промасленную рисовую лепешку, обжаренную до золотистой корочки. – Расхлебаем. А чтобы сделать этот процесс приятнее, мы как следует поперчим блюдо. Развяжите свои кисеты, товарищи. Посмотрите, какой сюрприз я вам приготовил. Седьмого это тоже касается. Смелее, смелее!

Активисты ОРКИ с замиранием сердца подчинились. Чувство юмора у Председателя было своеобразным, и никто не знал, чего от него ожидать. Однако, когда витые шелковые шнурки были развязаны, по залу пронесся общий вздох облегчения, напоминающий шелест тронутой ветром листвы. В мешочках находился молотый перец. Безобидный оранжевый порошок, источающий узнаваемый, терпкий, ни с чем не сравнимый аромат.

– Кам-са-хам-ни-да. Те-дан-хи кам-са-хам– ни-да, – забормотали участники совещания. – Спасибо, большое спасибо.

Корейская кухня всегда отличалась феноменальной остротой, оставляя далеко позади кухни грузинскую и даже мексиканскую. Красный перец, появившийся в стране сравнительно недавно, завоевал необычайную популярность, потребляясь в поистине фантастических количествах – ведь большинство местных блюд готовилось из вареного риса, столь же питательного, сколь пресного. Корейцы до того пристрастились к перцу, что слова «острый» и «вкусный» сделались для них синонимами. И двадцать уроженцев Страны Утренней Свежести, получившие в подарок любимое лакомство, с воодушевлением представляли себе, какой великолепный ужин ожидает их сегодня.

– Это настоящий чили, самый острый перец на свете, – пояснил Председатель, по-отечески наблюдая за подчиненными. – Понюхайте, прошу вас. Как следует втяните порошок ноздрями, сначала одной, потом другой. Я хочу, чтобы каждый из присутствующих насладился запахом чили в полной мере.

Оживление в комнате пошло на убыль. Одно дело – *есть* молотый красный перец; другое дело – *нюхать* его. Никто из активистов ОРКИ прежде не развлекался подобным образом. Затягивая время, они переглядывались и вертели мешочки в руках, словно впервые в жизни были готовы послушаться своего Председателя.

Ему это не понравилось.

– Ну-ка, дружно! – прикрикнул он. – Стыдно, товарищи! Вам ведь не умереть во имя родины предлагают, а всего-навсего оценить запах перца.

– Но мы будем чихать, – робко возразил Седьмой.

– А у некоторых из нас насморк, – поддержали его обладатели некоторых других порядковых номеров.

Вид выделений из носоглотки внушает корейцам столь сильное отвращение, что если сопливый невежа попадается за обеденным столом, то соседи просто не в состоянии заставить себя продолжать трапезу. Те, у кого из-за острой пищи раздражается слизистая оболочка, могут слегка промокнуть нос, но никак не чихать и уж тем более не сморкаться в присутствии посторонних.

– Понимаю ваши опасения, товарищи, – произнес Председатель, – но не разделяю их. Мы ведь не нежные барышни, а закаленные испытаниями мужчины. И если кому-то перец ударит в нос, то ничего страшного. Для подобного случая я распорядился обеспечить всех салфетками.

И в самом деле, каждый участник совещания был снабжен набором одноразовых бумажных салфеток, ничем не отличающихся от тех, которыми пользуются в Корее. Носовые платки

в этой стране считались табу. Для корейцев была невыносимой сама мысль о том, что лоскут материи, смоченный отвратительной на вид слюзью, кто-то использует неоднократно и носит в кармане наряду с другими предметами обихода.

– Приступайте, – повысил голос Председатель.

Седьмой, как сомнамбула, поднес мешочек к лицу и втянул ноздрями едкую перечную пудру, от которой в носоглотке не просто запершило, а засвербило так, что хоть плачь. Выступившие слезы замутили общую картину. Ничего не видя и не слыша, Седьмой запрокинул голову, плаксиво сморщился и оглушительно чихнул, едва устояв на ногах. Тем, кто сидел, приходилось не слаще. Одни беспрестанно издавали отрывистые носовые звуки, другие попискивали, деликатно зажимая ноздри, третьи, выронив мешочки, терли слезящиеся глаза или слепо нащупывали салфетки. Все было как в тумане. Отчаянно чихающие, постанывающие, судорожно вздрагивающие мужчины не сразу заметили, что один из них ведет себя не так, как остальные.

Сделавший понюшку перца Двенадцатый не принял участия в общей вакханалии. Он не чихал, не прикрывал лицо, не порывался вытереть нос. Он просто замер с выпученными глазами и широко разинутым ртом, откуда внезапно повалила обильная слюна. Его физиономия сделалась лиловой, как у висельника.

Первым почуял неладное Седьмой, который не только рискнул воздержаться от второй понюшки, но и отважился подать робкий голос.

– Товарищ Председатель, – гнусаво произнес он, придерживая нос бумажной промокашкой, – Двенадцатому плохо!

– Надеюсь, что так, – невозмутимо кивнул Председатель. – Заботливый дядюшка малолетнего насильника этого вполне заслужил.

– Чхи! – несло со всех сторон. – Чху! Чхе!

Слюна, стекающая на подбородок Двенадцатого, сменилась пеной, окрашенной в цвет желчи. Он силился приподняться со стула, но всякий раз падал обратно. Крышка стола, за которую он держался с отчаянием утопающего, хватающегося за соломинку, мелко дрожала. Вибрацию ощутил каждый, кто соприкасался со столом. Чихание пошло на убыль.

– Не беспокойтесь, товарищи, – сказал Председатель, видя, как подчиненные суетливо избавляются от мешочков с перцем. – Все в порядке. Негодяй получил по заслугам, но тем, у кого совесть чиста, бояться нечего.

«Конечно, – тоскливо подумал Седьмой, ноги которого едва выдерживали вес потяжелевшего тела. – Бояться абсолютно нечего. В прошлом месяце у нас на глазах удавили Четвертого, который, как было сказано, утаивал часть доходов от Общества. В позапрошлом месяце Пятнадцатого ударило током, когда он по просьбе Председателя включил в сеть компьютер. И вот теперь Двенадцатый: кто следующий? Когда состоится следующая показательная казнь? Во время следующего заседания актива? Или прямо сегодня, под занавес спектакля? Пресвятой Будда, это же просто невыносимо!»

– Смотрите, смотрите, – воскликнул Председатель, заметив, что кое-кто из присутствующих отводит взгляды, избегая следить за агонией Двенадцатого. – Очень поучительное зрелище, очень. Сок ка-шип-сио настолько ядовит, что если бросить в костер стебли этой травы, то можно насмерть отравиться дымом. – Председатель возбужденно хохотнул. – Пусть же участь одного нарушителя послужит уроком всем остальным. Не распускайте язык ни наяву, ни во сне, товарищи. Помните о последствиях.

Последствия и впрямь отбивали всякую охоту болтать даже на самые безобидные темы. Двенадцатый выгнулся в кресле, затем приложился лицом к столу. Снова выгнулся и снова приложился. Казалось, это будет продолжаться вечно, но, к всеобщему облегчению, попытка подошла к концу. Неистово дернувшись напоследок, Двенадцатый окаменел, откинувшись на

спинку стула. Его черные жесткие волосы стояли дыбом, на лице застыла чудовищная гримаса, руки повисли плетью.

«До свиданья, – пульсировало в мозгу Седьмого, – до свиданья, до свиданья».

Он был слишком потрясен и напуган, чтобы попрощаться с очередным соратником. Просто из головы не выходило название коварной травы, убившей Двенадцатого.

Ка-шип-сио. В переводе с корейского это означало «до свидания». Словно каждому из активистов ОРКИ однажды предстояло отправиться вслед за ушедшим, дабы встретиться с ним в Долине Блуждающих Духов.

Северная Корея – одна из немногих стран на земле, в которой сохранилась самая широкая практика публичных казней. До семидесятых годов преступников прилюдно расстреливали на стадионах Пхеньяна, позже подобные смертельные шоу перекочевали в провинцию. Сценарий неизменен. Осужденного привязывают к врытому в землю в центре площадки столбу и, зачитав приговор, расстреливают. Это происходит на глазах зрителей, среди которых в обязательном порядке должны присутствовать родственники и сослуживцы казенного. Частенько в воспитательных целях на казнь водят студентов вузов, а то и старшеклассников.

Таким образом, многие из тех, кто находился в зале заседаний Общества Российско-Корейской Интеграции «Утренняя заря», были морально подготовлены к ужасному зрелищу. Не удивило их и то, что Председатель не учинил над Двенадцатым суда, давая несчастному возможность покаяться или хотя бы произнести последнее слово. Корейцы не питали пристрастия к громким судебным процессам, которые в свое время разыгрывались в средневековой Англии, республиканской Франции и Советском Союзе. В Северной Корее пошли другим путем, сведя казнь к скучной обыденной процедуре. Если бы Пак Киль Хун не только родился, а и вырос в городе своих предков Сакчу, он бы принял случившееся не так близко к сердцу. Но детство Седьмого прошло во Владивостоке, и его впечатлительная натура испытала настоящее потрясение.

Отстраненно удивляясь тому, что он до сих пор не грохнулся в обморок, активист ОРКИ решил больше не искушать судьбу. «Это испытание станет последним в моей жизни, – сказал он себе. – Хватит. Если я выйду отсюда целым и невредимым, то следующее заседание состоится без меня».

Между тем Председатель остался доволен поведением Седьмого. «Надежный товарищ, – думал он, – стойкий. Перетрусил, но даже не пикнул. Все бы так. Гвозди бы делать из таких людей».

– Садитесь, Седьмой, – произнес он вслух. – Я доволен вами. Никаких претензий к вам у меня не было и нет. Вам пришлось постоять, чтобы усыпить бдительность Двенадцатого, вот и все. Надеюсь, вы на меня не в обиде?

– Нет, – замотал головой Седьмой. – Как можно!

Упав на стул, он тупо уставился на бумажные клочья, облепившие потные пальцы, и взял новую салфетку. Руки дрожали, глаза слезились. Не имея возможности полюбоваться собой со стороны, Седьмой не сомневался, что выглядит ужасно. В помещении было невероятно душно, словно где-то работал гигантский насос, выкачивающий отсюда воздух. Седьмому даже мерещился шум работы этого невидимого насоса. В висках стучало, в ушах гудело. Слова Председателя доносились как сквозь толщу воды, – глухо и почти неразборчиво:

– ...Годы напряженного труда, неустанные поиски увенчались успехом. К счастью.

«Увенчались, – отозвалось насмешливое эхо в мозгу Седьмого, – успехом. Если это счастье, то что же такое несчастье? Бр-р...»

Передернувшись, он заставил себя не глядеть на покойника, который, как ни в чем не бывало, продолжал слушать речь Председателя. Живые активисты ОРКИ тоже походили на трупы, рассаженные вокруг стола. Их лица были неподвижны, как гипсовые маски. На всех читалось одинаковое выражение: смесь внимательности, почтительности и покорности судьбе.

Седьмому хотелось верить, что его собственное лицо не отражает каких-либо посторонних чувств. Он не давал волю эмоциям. Не позволял себе отвлекаться. Он слушал.

– Они лежат на расстоянии трехсот метров друг от друга, – перешел к конкретным фактам Председатель. – Глубина там небольшая, наши люди справятся. Конечно, потребуются дополнительные тренировки, но они займут немного времени, а там... – Мечтательно улыбаясь, Председатель с хрустом потянулся, встал и принялся прохаживаться по кабинету, подражая то ли великому Ким Ир Сёну, то ли его не менее великому наследнику Ким Чен Иру. – А там недалек тот день, когда родина получит от нас долгожданные подарки.

«Сюрприз по-корейски», – подумал Седьмой.

– Не сомневаюсь, что участники операции будут щедро вознаграждены за свои старания, – веско произнес Председатель.

«Красным перцем с добавками чудо-травы?»

– Все до единого.

«Кроме Двенадцатого, которому уже ничего не нужно».

– Но сначала придется как следует поработать во благо отечества, – напомнил Председатель, остановившийся прямо за спиной Седьмого, напрягшаяся шея которого инстинктивно втянулась в плечи. – Второй, как обстоят дела с закупкой оборудования?

– Заказанный комплект водолазного снаряжения готов к отгрузке, но...

Второй осекся.

– В чем дело?

– Поставщик ожидает предварительной оплаты. Деньги на его счет пока не поступили.

– Девятнадцатый! – Окрик Председателя был резким, как удар хлыста. – В чем дело? Кто отвечает за финансовое обеспечение операции?

– Необходимая, э-э, сумма собрана и, э-э, перечислена еще вчера, – доложил Девятнадцатый, заикаясь.

Ему было трудновато подбирать подходящие корейские выражения. Слишком нервная обстановка. Один только Председатель чувствовал себя в этой накаленной атмосфере, как рыба в воде.

– Почему же деньги не попали по назначению? – спросил он.

– Так бывает. Банки, э-э, имеют обыкновение задерживать крупные, э-э, суммы для своих, э-э, махинаций.

– Махинации – это плохо, – зловеще произнес Председатель. – Терпеть не могу махинаций. Завтра до обеда доложите мне о том, что деньги находятся на счету поставщика, а не где-нибудь еще. Не то вы сами окажетесь где-нибудь еще.

– Будет сделано, – проблеял Девятнадцатый, косясь на труп, который мешал ему сосредоточиться. – Завтра с утра поеду в банк.

– Надеюсь, поездка будет результативной, – кивнул Председатель, возобновляя прогулку вокруг стола. – Как обстоят дела с судном?

– Зафрахтовано, – поспешил отрапортовать Седьмой. – Команда набрана, ждет выхода в море. Строительная бригада работает в трюме. Тайник сооружается по выданным вами чертежам.

– Провиант, топливо?

– Все в полном порядке.

– Документы?

– Соответствующие бумаги готовятся, – перехватил эстафету Одиннадцатый. – Все люди будут оформлены как участники геолого-разведочной экспедиции японской нефтяной корпорации «Джи-Оу-Си».

– Почему японской? – нахмурился Председатель.

– Это наиболее оптимальный вариант, – заторопился докладчик. – Во-первых, иностранцев труднее проверить. Во-вторых, отношение к ним здесь более чем лояльное. В-третьих, корейцы и японцы для русских на одно лицо. И самое главное...

– Всегда нужно начинать с самого главного!

– Извините, товарищ Председатель. – Взмокший Одиннадцатый потянулся за салфеткой. – Волнуюсь.

– Волноваться нет причин, – заметил остановившийся Председатель, переводя взгляд с докладчика на мертвеца и обратно. – Волнуется тот, кто чувствует за собой вину. Вы чувствуете за собой вину?

– Нет, – выпалил Одиннадцатый. – Я все предусмотрел. Правительство России недавно приняло постановление о привлечении японских компаний для поиска новых месторождений нефти в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

– Хм! Почему бы им не привлекать корейские компании?

– Этого я не знаю, – развел руками Одиннадцатый, выражая всем своим видом раскаяние. – Я просто излагаю факты.

– Излагайте. – Председатель двинулся в обход стола. – Слушаю вас.

– Губернатор Приморского края недавно встречался с руководством «Джи-Оу-Си» и пообещал корпорации всяческое содействие. Стоит пограничникам услышать, что они имеют дело с японской геолого-разведочной экспедицией, как многие вопросы будут автоматически сняты...

– Стоит пограничникам обнаружить на борту судна огнестрельное оружие, наркотики или хоть какие-нибудь рыболовные снасти, и все пропало, – оборвал Одиннадцатого Председатель. – Поэтому нельзя давать им ни малейших зацепок. Это всех касается, товарищи.

– Да, – одновременно выдохнули участники совещания.

– Экипаж корабля обязан знать легенду наизусть. Одежда, снаряжение, поведение, – каждая мелочь имеет значение, каждый пустяк.

– Да!

– Уметь внушить доверие окружающим не менее важно, чем плавать с аквалангом или ориентироваться в открытом море.

– Да!

– После того, как *груз* будет поднят со дна и надежно размещен в потайном отсеке трюма, команда не имеет права расслабляться. Дождаясь подходящей погоды, все должны имитировать работу.

– Да!

– Дрейфовать в направлении нейтральных вод крайне осторожно и лишь после штормового предупреждения.

– Да!

Председатель умолк. Поскольку он намеревался лично руководить операцией, то вдаваться в лишние подробности не имело смысла. Осталось лишь напомнить о самом главном.

– Любое нарушение дисциплины, – произнес вернувшийся на место Председатель, – приравнивается к государственной измене. Ответственность за допущенные просчеты несут все. Поблажек не будет. Ни для самих участников операции, ни для их ближайших родственников. Должен ли я напоминать об этом еще раз, товарищи? Есть ли среди вас такие, которые чего-то недопонимают?

– Нет! – выпалили активисты ОРКИ так дружно, что оконные стекла задребезжали в рамах.

А номер Двенадцатый промолчал. Он уже совершил ошибку и был лишен права голоса. Навеки.

Глава 3

Похмельный синдром на лубянке

Рабочий день в Москве был в разгаре. Стрекотали сотни тысяч кассовых аппаратов, разгружались и вновь загружались продуктовые фуры, бойко переходили из рук в руки рубли и доллары, акции нефтегазовых компаний и копеечная стеклотара, шприцы с наркотиками и билеты в театр. Кто-то приобретал себе счастье, а кто-то продавал остатки совести; одни меняли себе партнеров, имиджи и автомобили, а другие – просто шило на мыло. Но все вместе, поголовно, от первого лица государства до последнего бомжа, москвичи были заняты какими-то своими важными делами, и потому огромный город гудел от перенапряжения.

А у капитана Бондаря гудела голова. С утра 22 апреля ему было худо, очень худо. Хуже некуда.

Давно уже он не испытывал такого сильного похмелья. Сильного и продолжительного.

Бондарь отложил просмотренную папку вправо, прикидывая, которые сутки пылают столы, горят трубы и пересыхает глотка, обильно смоченная накануне вечером. Точно вычислить не удавалось, но даже приблизительный подсчет давал обескураживающий результат. Не больше трех, но и не меньше двух недель... С того самого дня, когда стало окончательно ясно, что живая оперативная работа капитану Бондарю больше не светит, а иной панацеи от тоски и одиночества не существует. Он превратился в заурядного кабинетного работника, самыми яркими впечатлениями для которого стали ежедневные поездки на метро. Утром – на работу, вечером – домой. В пустую холостяцкую берлогу, где найти себе занятие так же сложно, как в каюте затонувшей подлодки.

Спасите наши души, наш SOS все глуше, глуше...

Будь прокляты все эти медики! Что они понимают в психологии мужчины, дважды терявшего женщин, без которых жизнь не в радость? На чем строились их выводы, когда они выносили свой безапелляционный приговор: «к выполнению оперативных заданий временно не привлекать»? Начальство радо стараться, тут же отстранило Бондаря от важных дел, поручив ему править какие-то бредовые инструкции, составлять какие-то отчеты, рыться в архивных документах и перекладывать папки из одной стопки в другую, слева направо: с утра до вечера: из пустого в порожнее.

Оказывается, толочь воду в ступе – это теперь не просто маета, а научный метод психологической реабилитации! Тогда как насчет околачивания груш и полировки кошачьих яиц? Может, и такую практику завести на Лубянке, господа хорошие?

Тяжелейший стресс, приговаривал полковник Роднин, разводя руками, ничего поделать не могу, но, врачи говорят, время лечит. Заверения Бондаря в том, что потраченное впустую время вовсе не лечит, а калечит, ничего не меняли. Капитану не удавалось убедить начальника отдела в том, что как раз настоящая работа выведет его из ступора. Его даже близко не подпускали к серьезным делам. Не только на пушечный выстрел, но и на пистолетный.

Это продолжалось с февраля, когда Бондаря выписали из госпиталя. Выписали со сросшимися ребрами и ногой, с зарубцевавшимися ранами, с новехонькой розовой кожей на локтях и коленях. Он был абсолютно здоров, но ему было больно. Поделать с этим было ничего нельзя. Кожа-то новая, а душа – прежняя, выгоревшая изнутри. Сперва выгоревшая, а потом обледеневшая. До вечной мерзлоты.

Такая уж зима выдалась, будь она неладна. Снежная, беспощадно холодная. Зима, отнявшая у Бондаря Тамару.

Трагедия случилась на кавказской горе Фишт, где любимую женщину капитана облили на морозе водой, как поступали с патриотами фашисты во время Великой Отечественной. До сих

пор не верилось, что подобное могло произойти в XXI веке. На фешенебельном горнолыжном курорте Лунная Поляна. В двадцати километрах от ближайшего отделения внутренних дел. Такое не укладывалось в голову, а потому Бондарь приказал себе: забыть!

К черту! Забыть и не оглядываться. Ничего не было. Ни родного лица, просвечивающегося сквозь толщу ледяной глыбы. Ни сатанинского смеха Леди Мортале. Ни безобразной рожи ее верного приспешника Юрасика. И головокружительного спуска по трассе бобслея тоже не было. И последующих удушающих кошмаров. И дула табельного пистолета, дважды приставлявшегося к виску в моменты, когда отчаяние становилось всепоглощающим, как разверзшаяся пропасть.

Все, сказал себе Бондарь, убирая пистолет с глаз долой, хватит. Точка. Прошлого не вернешь, зачеркнутого не исправишь. Будем жить дальше. Живет на свете такой капитан ФСБ Бондарь Евгений Николаевич, и есть у этого человека некий долг, который он обязан исполнять. Прямая, соединяющая эти две точки, зовется смыслом существования. Хотелось бы, конечно, чтобы смысла было побольше, но где его взять, коли судьба-злодейка отобрала все, что могла отобрать. На нет и суда нет.

Примерно через месяц после принятия решения Бондарь начал понимать, что надолго его не хватит, но не сдался. Являясь на работу, рвался в кабинет начальства, а прорвавшись, выкладывал на стол Роднина очередной рапорт с просьбой поручить ему любое из текущих дел. С точно таким же завидным постоянством Роднин рапорты отправлял в урну, после чего заводил с Бондарем душещипательные беседы о необходимости прийти в себя, оправиться, подлечить нервы.

Однажды удача все же улыбнулась полутотставному капитану. По причине катастрофической загруженности личного состава отдела, его направили в Иркутск, где сотрудники Восточно-Сибирской оперативной таможни задержали при попытке незаконного вывоза из России ни много ни мало 27 тонн ядерных материалов. Точнее, 27 681 килограмм обогащенного урана, как протрубил на весь мир представитель пресс-службы Государственного таможенного комитета Российской Федерации.

Бондарь воспрянул духом. По всей вероятности, он вышел на самую скандальную и громкую сделку века, поскольку в ядерные реакторы подводной лодки загружалась только одна тонна обогащенного урана! Где же было похищено такое невероятное количество опасного вещества? На одной из АЭС? На Новосибирском заводе химконцентратов по производству ядерного топлива?

Перспективное дело, возродившее Бондаря к жизни, его же и доконало, когда начало трещать по швам и рушиться, наподобие карточного домика. Вскоре выяснилось, что никто ничего не похищал и не пытался незаконно переправить через границу. Просто ангарский электролизный химический комбинат произвел изотопное обогащение партии казахстанского урана, отправил его обратно, а охреневшие от безнаказанности таможенники, увидевшие в накладных немалую стоимость груза, потребовали взятку. Ее не дали, тогда вагон был отцеплен от состава и началось откровенное вымогательство, сопровождающееся шантажом через прессу. Банальная история. Настолько типичная для России, что только диву даешься: каким образом умудряется держаться это расшатанное многолетними встрясками государственное образование. Последняя надежная опора осталась – спецслужбы. Вот и вся вертикаль власти, да и та с постоянными перекосами. На сколько ее хватит?

«А тебя на сколько?» – ехидно осведомился внутренний голос, которому, как всегда, было плевать на похмелье, мучающее Бондаря с утра.

Он встал, и в глазах зарябило от черных точек, будто по глади пруда прыснули головастики. Никаких головастиков или мошек, разумеется, не было. А были заметные мешки под глазами и порядком воспаленные веки. Бондарь убедился в этом, подойдя к зеркалу, из которого на него глянуло осунувшееся, плохо узнаваемое лицо. Рядом с уголками губ образовались

горькие складки, насупленные брови упрямо отказывались принять какое-нибудь более нейтральное положение. Красавец, ничего не скажешь!

Бондарь укоризненно покачал головой. Отражение повторило это движение: мол, нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Продолжай в том же духе и полюбуйся собой эдак через месяцок-другой, товарищ Бондарь. Две пачки сигарет в день и бутылка водки на сон грядущий? Убийственная смесь. Долго ли протянешь в таком режиме?

Вряд ли, вынужден был признать Бондарь. При таком образе жизни слететь с катушек можно очень скоро. Во всем виновата проклятая «Гусарская баллада», которую, как назло, крутят по телевидению чуть ли не каждый вечер. Стоит немного пощелкать пультом, и на тебе: бродит по экрану девица печального образа, напевая: «Лунные поляны, ночь, как день, светла».

А если человеку неумогу слушать про лунные поляны? Если ночь для него как раз беспросветно темна? Прошлая ночь. Нынешняя. Завтрашняя.

Бондарь в последний раз посмотрел на свое отражение, мрачно отметил свежий бритвенный порез на подбородке и хотел уж было вернуться за стол, заваленный папками, когда тишину кабинета пререзал телефонный звонок. Громкий, отчетливый, требовательный. Звонок, оповещающий о том, что на связь выходит начальство.

Наконец-то о капитане Бондаре вспомнили. Неужели конец конторским будням?

На этаже было чисто, тихо и безлюдно. Стремительно шагая по ковровой дорожке, Бондарь дошел до приемной начальника оперативного отдела, толкнул дверь и переступил порог.

Алтынникова, личная секретарша полковника Роднина, перестала клацать клавиатурой компьютера и расщедрилась на приветливую улыбку. Здороваясь, Бондарь постарался улыбнуться так же дружелюбно. Седая, но еще совсем не старая секретарша симпатизировала ему, и он отвечал ей взаимностью. Старался отвечать по мере сил и возможностей.

Но сегодня улыбка не возымела обычного действия.

– Приболели? – встревожилась Алтынникова.

– С чего вы взяли, Светлана Афанасьевна? – неискренне удивился Бондарь.

Глупый вопрос для человека, который пять минут назад созерцал свою похмельную физиономию в зеркале.

– Вид у вас... – не договорив, Алтынникова покачала головой.

– Зато вы выглядите на все сто! – поспешил сменить тему Бондарь, делая вид, что любителю зеленым в крапинку жакетом секретарши. – Отличная обнова, Светлана Афанасьевна. – Он выбросил вверх большой палец. – Вам идет.

Секретарша погрозила пальцем:

– Ах, Женя, Женя! То же самое вы говорили мне в прошлый раз. И в позапрошлый.

– Это свидетельствует лишь о том, что вы всегда выбираете красивые вещи, – нашелся Бондарь. – У вас безупречный вкус, Светлана Афанасьевна.

– Наверное, раз я проходила в этом наряде всю весну. – В глазах Алтынниковой промелькнула печаль. – Но все равно спасибо, Женя. И, прошу вас, непременно подлечитесь перед командировкой. На вас больно смотреть.

– Вот как? – опешил Бондарь. – Командировка? Куда?

– Прямоком на край света, – понизила голос Алтынникова. – Я уже заказала билеты на завтра. Будьте умницей, Женя. Примите ударную дозу таблеток, а перед сном не забудьте выпить чаю с малиной. У вас есть малиновое варенье?

– Да погодите вы со своим вареньем, Светлана Афанасьевна! Куда я вылетаю?

– Военная тайна, Женя. Я и так с вами чересчур разоткровенничалась. – Утопив кнопку переговорного устройства, Алтынникова сменила тон на официальный: – Капитан Бондарь прибыл, Василий Степанович. Впускать?

– Гнать пока рановато, – откликнулся из динамика металлический голос. – Пусть войдет твой капитан.

Переступив порог, Бондарь замер. Роднин в своем неизменном синем костюме с квадратными плечами стоял у окна, выходящего на Лубянскую площадь. Не оглядываясь, буркнул:

– Присаживайся.

И лишь после того, как Бондарь занял свое место за приставным столом, Роднин покинул свой наблюдательный пост и опустился в жалобно скрипнувшее кресло.

Встретившись с испытывающим взглядом начальника, Бондарь ощутил привычный холодок в груди. Он никогда не боялся начальства и тем более не лебезил перед ним, однако полковник Роднин внушал ему уважение, а настоящее уважение никогда не обходится без некоего душевного трепета. Пусть даже тщательно скрываемого.

– Как дела? – поинтересовался Роднин.

– Если имеются в виду дела, порученные мне, то продвигаются помаленьку, – сухо ответил Бондарь. – Левая стопка папок уменьшается, правая растет. Вы пригласили меня отчитаться о проделанной работе, товарищ полковник?

– *Я вызвал тебя*, – с нажимом произнес Роднин, – я вызвал тебя, капитан, чтобы сделать тебе первое и последнее предупреждение. Завязывай с этим.

– С чем?

– Сам знаешь. – Рука полковника сделала выразительный жест.

– Не понимаю, о чем идет речь. – Лицо Бондаря окаменело. Он терпеть не мог посягательств на свою личную жизнь. И ему вовсе не хотелось, чтобы посторонние знали, что творится у него в душе.

– Не понимаешь, значит? – переспросил Роднин, буравя глазами подчиненного.

При росте 183 сантиметра и весе 81 килограмм капитан Бондарь казался выше и легче, чем был на самом деле. Тому способствовали его подчеркнуто прямая осанка, развернутые плечи и слегка запавшие щеки. Впечатляющий экземпляр. Всегда подтянутый, аккуратный, грациозный и настороженный, как большой хищный зверь. Прическа – волос к волоску, с прочерченным, словно под линейку, пробором. Густые брови, четко очерченная линия рта, волевой подбородок, помеченный зарубцевавшимся шрамом и свежей царапиной. Если бы не эти отметины, если бы не воспаленные, мрачные глаза, то Бондаря запросто можно было причислять к касте красавцев мужчин, одерживающих победу за победой на невидимом фронте любви. Но Бондарь воевал на совсем другом невидимом фронте. На переднем крае. Там, где недопустимо представлять перед начальством с помутневшими от алкоголя зрачками.

– Не понимаешь, значит? – переспросил Роднин. – Плохо, капитан, очень плохо. В нормальном состоянии ты все схватываешь на лету.

– На работе я всегда в нормальном состоянии, – отчеканил Бондарь.

– А хочешь, я докажу тебе обратное?

– Попробуйте, товарищ полковник.

– Тут и пробовать нечего, – заявил Роднин, пройдясь ладонью по седому пуху на голове. – Ты по какому делу сейчас отчет готовишь?

– Последнее, которое взял в руки, касается балашихинской группировки, – доложил Бондарь, не моргнув глазом. – Попытка сбыта урана-235 уроженцам Афганистана. Дело номер два-два-три-четыре дробь ноль пять «А». Продолжать? Вы мне что-то вроде экзамена решили устроить, товарищ полковник?

– Экзамен уже начался, капитан, – вкрадчиво произнес Роднин. – Полным ходом. Отвечать быстро, четко, коротко: сумма сделки по урану?

– Тридцать тысяч долларов США, – пожал плечами Бондарь.

– Где изъят товар?

– Кафе «Джага-джага» на Горьковском шоссе.

– Количество?

– Один килограмм семьсот двадцать два грамма, – безмятежно улыбнулся Бондарь. – Перевести в фунты? Сосчитать в уме, сколько стоит одна унция урана? Назвать химсостав? Перечислить афганцев поименно? Прочитировать последнее заявление бен Ладена с угрозой применить ядерное оружие против Соединенных Штатов?

– Не надо, – буркнул Роднин, откидываясь на спинку кресла. – Котелок у тебя пока что варит, мозги еще не совсем проспиртованы.

– Иначе и быть не может, – пожал плечами Бондарь.

– Медики утверждают обратное, – заметил Роднин, занявшись перекладыванием бумаг на столе.

– Они ошибаются.

Бондарь закинул ногу за ногу, как человек, чувствующий себя абсолютно уверенно и непринужденно. Его глаза при этом насторожились. Такой взгляд бывает у служебного пса, заподозрившего, что хозяин вознамерился обойтись с ним не самым лучшим образом.

– Ошибаются, значит, – пробормотал Роднин, продолжая рыться в бумагах.

Бондарь молчал. Сердце бешено колотилось. Что последует дальше? Строгий выговор? Приказ о несоответствии занимаемой должности? Тогда о какой командировке толковала Алтынникова? Черт подери, когда же закончится эта затянувшаяся прелюдия? И, главное, чем?

Глава 4

Корейский сыр с танхончским йогуртом

Роднин наконец отыскал нужный листок бумаги. Поднял его таким образом, чтобы помешать Бондарю заглянуть в текст. Откашлялся. Провозгласил голосом судебного заседателя, зачитывающего приговор:

– У меня в руках результаты твоего медицинского обследования, капитан. Если ты помнишь, то оно проводилось на прошлой неделе. Подозреваю, что на сегодняшний день дела со здоровьем у тебя еще хуже. Уверен в этом. Убежден.

– Я в отличной форме, – упрямо произнес Бондарь.

– Думаешь? – Роднин заглянул в текст заключения. – Вот выдержка из заключения. «Практически здоров, однако в последнее время придерживается совершенно недопустимого образа жизни: по собственному признанию, ежедневно выкуривает около 40 сигарет «Монте-Карло» с повышенным содержанием никотина и выпивает примерно двести граммов крепких спиртных напитков. Судя по остаточному содержанию алкоголя в крови, последняя доза спиртного превышает названную капитаном Бондарем Е. Н. примерно в три раза. В ходе настоящего обследования выявлены настораживающие признаки: язык обложен, давление несколько повышено, в трапецевидных мускулах имеется спазм, прощупываются так называемые «фиброзные узелки»; сотрудник страдает от патологических нарушений сна. Для восстановления прежней формы рекомендуется отдых и умеренность в течение двух-трех недель». – Роднин отложил заключение, оперся ладонями о стол и строго взглянул на Бондаря. – Вот такие пироги, капитан. От себя добавлю: в прошлый раз тебе рекомендовали передохнуть одну-две недели. Хреновый прогресс получается. Не в твою пользу.

Бондарь почувствовал себя так, словно его хорошенько саданули в солнечное сплетение.

– Предвзятое мнение, – только и сумел выдать он.

– Разумеется, – подтвердил Роднин. – Еще какое предвзятое. А ты хотел, чтобы в Федеральной службе безопасности смотрели сквозь пальцы на то, как один из лучших сотрудников убивает себя? Не дождешься! – Твердая, как доска, ладонь полковника с грохотом опустилась на крышку стола. – Слишком много усилий, времени и денег вложило в тебя государство, чтобы спокойно наблюдать за твоим распадом.

– Вы говорите обо мне, как о каком-то механизме, – угрюмо констатировал Бондарь.

– Пусть так, – заявил Роднин. – Хотя, на мой взгляд, лучше бы ты действительно был механизмом. Серийным роботом, который можно заменить в случае необходимости.

– И отправить на свалку.

– И отправить на свалку!

Начальник оперативного отдела Управления контрразведывательных операций ФСБ РФ умел входить в положение подчиненных, но куда чаще ему приходилось демонстрировать безжалостность.

– Так отправляйте, – тоскливо произнес Бондарь. – Лучше отставка, чем карьера конторской крысы. Я неоднократно обращался к вам с просьбой подключить меня к какому-нибудь оперативному расследованию.

– Что ж, – неожиданно ухмыльнулся Роднин, – считай, что ты своего добился.

– Шутите?

– В этих стенах?

Достаточно было встретиться с немигающим взглядом Держинского на фотографии за спиной Роднина, чтобы понять неуместность каких бы то ни было шуток в этом кабинете.

– Я готов, – тихо сказал Бондарь, превращаясь во взведенную пружину. В какой-то мере он действительно был механизмом. Далеко не таким примитивным, как спусковой механизм огнестрельного оружия, но столь же безотказным.

– Готов ты был вчера, – проворчал сдерживающий улыбку Роднин, – когда вылакал пол-литра водки и завалился спать. Надо бы тебя с недельку продержать в карантине, капитан. Для профилактики.

– Не томите душу, товарищ полковник, – взмолился Бондарь. – Я столько ждал настоящего задания! Надоело дурыю маяться. Работать хочу. Как прежде.

– Хм. Взять с тебя подписку, что ли?

– Дело настолько секретное?

– Подписку о том, что ты возвращаешься к нормальному режиму, – охладил пыл подчиненного Роднин. – Никаких возлияний в свободное время. Что касается курева...

– Вы хотите, чтобы я бросил курить? – ужаснулся Бондарь.

– Ты меня уж совсем за деспота держишь, капитан. Травись на здоровье...

– Спасибо.

– Но в меру, – закончил мысль Роднин. – Полпачки в день, чтобы уши не пухли. И баста. – Он выложил перед собой тощую папочку, прикрыл ее название рукой и хитро улыбнулся. – Даешь слово?

Бондарь задумчиво поскреб подбородок:

– Сначала хоть намекните, что за дело. Если опять контрабанда двадцати семи тонн обогащенного урана, то сойдемся на двадцати сигаретах в день.

– Торгуемся, значит? – усмехнулся Роднин.

– Время такое, товарищ полковник. Рыночные отношения кого угодно торговаться научат. Взять хоть Государственную Думу или Кабинет Правительства, так там с утра до вечера...

– А-атставить!

– Есть, отставить! – осекся Бондарь.

– Возможно, – понизил голос Роднин, – в этой папке хранится кончик ниточки, которая позволит нам распутать клубок самого опасного террористического заговора, который когда-либо угрожал человечеству.

«Не слишком ли сильно сказано?» – подумал Бондарь.

– Вот как? – произнес он вслух. – Кто-то собирается отпраздновать годовщину одиннадцатого сентября?

– Все может обернуться гораздо хуже, – заверил Роднин. – Если факты, изложенные здесь, – он погладил закрытую папку. – Если факты, изложенные здесь, подтвердятся, то впору бить тревогу в общепланетарном масштабе.

– В общепланетарном? – повторил Бондарь, как бы пробуя определение на вкус. Судя по скептической гримасе, оно показалось ему не слишком уместным.

– Это не преувеличение.

– Да-да, конечно, товарищ полковник.

– Речь идет, – Роднин не спеша открыл папку, – о ядерном шантаже.

– Та-ак...

Бондарь почувствовал холодок, ползущий вдоль позвоночника. К охотничьему азарту примешивался подсознательный мистический ужас, свойственный всем людям, детство которых прошло в обстановке ожидания атомной войны. В конце семидесятых она вполне могла стать реальностью, и только постепенная разрядка отношений между СССР и США свела вполне реальную угрозу к минимуму. Но новое время бросило человечеству новые вызовы. Разведывательные службы всех стран с замиранием сердца ждали дня, когда в мире объявится новая террористическая организация, располагающая самодельным или похищенным у армии

ядерным оружием. Неизвестные в мешковатых одеждах с масками вместо лиц. Они запишут свой ультиматум на видеокамеру, после чего распространят кассеты по разным телекомпаниям. И тогда станет ясно, что Земля находится на грани катастрофы. Апокалипсис, описанный древними, покажется детской сказочкой.

Один подобный теракт породит цепную реакцию. Какие-нибудь неприметные серые человечки станут оставлять сумки в камерах хранения, в поездах, машинах, школах, на фабриках и стадионах, среди больших скоплений народа и вблизи от объектов стратегического значения. Бомбы с атомной начинкой станут использовать не только террористы, но и маленькие нищие государства, не говоря уже о тех, где существуют диктаторские или профашистские режимы. Вслед за шантажом и вымогательством последуют первые взрывы, а дальше пошло-поехало.

– Такие поползновения, – сказал Бондарь, – надо пресекать в корне. Давить угрозу в зародыше.

– Согласен, – кивнул Роднин.

– Ядерный шантаж, надо же, дожили... С кем мы имеем дело?

– Со многими неизвестными, капитан. Как обычно.

– Откуда у этих ублюдков ядерное оружие? – нетерпеливо спросил Бондарь. – Они создали «грязную» бомбу, о которой так долго говорили силовики?

– А зачем мараться? – задал встречный вопрос Роднин.

– Кому-то удалось умыкнуть боеголовку с военной базы?

– Опять не угадал. Скажи-ка мне, тебе доводилось слышать о потерянных Соединенными Штатами атомных бомбах?

– *О потерянных атомных бомбах?* – Бондарь повел головой из стороны в сторону. – Мне такое и в страшном сне не могло привидеться.

– Ну да, ты ведь поздновато родился, – сочувственно кивнул Роднин. – А в мое время америкосы постоянно что-нибудь теряли. Такие, понимаешь, рассеянные с улицы Бассейной. – Роднин добродушно хохотнул, хотя взгляд его преисполнился застарелой ненависти. – В 1956 году, например, американский бомбардировщик случайно, слышь, капитан, *случайно* сбросил две атомные бомбы во время проведения тренировочного полета над Средиземным морем. По-моему, даже фильм про это сняли. – Роднин потер лоб. – «День, когда всплыла рыба», кажется, так.

– Атомные взрывы в Средиземном море? – опешил Бондарь. – Это что-то новенькое.

– Бомбы были без запала. При падении могла взорваться только тротиловая начинка, а не сам плутоний. В общем, атомная бомба похожа на обычную. – Роднин изобразил руками нечто обтекаемое. – В носовой части у нее тротил, а в хвосте плутоний. Между двумя отделениями – отверстие, куда, как пробку, вставляют запал. Бомбы ударяются оземь, взрывается тротил, и от него, через запал – плутоний.

– Их нашли? – быстро спросил Бондарь.

– Неизвестно. Официальные экспедиции – нет. Но если подобные игрушки однажды попадут или уже попали в руки экстремистов, то...

Не закончив фразу, Роднин многозначительно посмотрел на Бондаря. Тот пробормотал, глядя в пустоту невидящими глазами:

– Любой специалист способен заменить отсутствующий запал взрывателем с часовым механизмом. Бомбу укладывают в кузов грузовика, отвозят в намеченное место и включают таймер.

– В пятидесятые годы итальянцы ужасно боялись, что однажды так и случится, – сказал Роднин. – Шутка у них появилась. Мол, на самом деле, последний день Помпеи был предпоследним.

– Черный юмор.

– Куда уж чернее.

– И часто такое случалось? – спросил Бондарь.

– После ЧП у берегов Сардинии с завидной регулярностью, – ответил Роднин. – В КГБ даже решили, что американцы проводят некую коварную операцию. Делают вид, что теряют бомбы, а на самом деле сбрасывают их в заранее намеченных точках. Чтобы однажды обойтись без всяких самолетов и ракетоносителей. Окружить Евразию кольцом из ядерных зарядов, а в час «Х» рвануть их одновременно. – Роднин красноречиво вскинул руки. – В стане врага паника, смятение. Эффектное начало атомной войны, а? Никто не понимает, кто и откуда наносит удары, а тем временем наносятся все новые и новые – уже с воздуха.

– Жутковатая картинка получается, – согласился Бондарь.

– К счастью, только картинка. Когда в 1958 году американский летчик уронил атомную бомбу в свою же речку Саванна, стало ясно, что это просто трагическая случайность. Американцы тогда поголовно заболели медвежьей болезнью, все ждали, когда штат Джорджия взлетит на воздух.

– Но все это дела давно минувших дней, верно? – Бондарь вопросительно взглянул на увлекшегося начальника. – Сейчас никто не проводит тренировочные полеты с атомными бомбами на борту. Об утерянных ракетах мне тоже слышать не доводилось.

– Так-то оно так, – сказал Роднин, – да нам вроде привет из прошлого. Эхо «холодной войны». – Он мельком взглянул на первую страницу открытого дела и заговорил изменившимся, деловитым тоном. – Прошлый век, одна тысяча девятьсот шестьдесят пятый год. Американский бомбардировщик, взлетевший с авианосца «Тикондерога», выронил две атомные бомбы в Японском море. Они, к счастью, не взорвались, но так и не были найдены, несмотря на проведенные поисковые операции. Где они сейчас и в каком состоянии, неизвестно.

– Японское море большое, – заметил Бондарь с притворным безразличием.

– Карту России помнишь? – так же равнодушно осведомился Роднин. – Есть такой край, Приморский называется. Он расположен в самой южной части Дальнего Востока на берегу Японского моря. По суше граничит с Китаем и Северной Кореей, по морю с ними же плюс с Японией.

– Вы хотите сказать, что бомбы упали в наших водах?

– Не хочу, капитан. Совсем не хочу. Однако приходится признать, что такое могло произойти.

– Погодите, – нахмурился Бондарь. – В шестидесятые годы наша ПВО работала как часы. Над территорией СССР птица не могла пролететь незамеченной, не то что иностранный бомбардировщик.

– Я тоже так думал, – признался Роднин. – Но, когда поступил сигнал, на всякий случай кое-что проверил. И выяснил одну любопытную деталь.

– Какую? – быстро спросил Бондарь.

– Вплоть до середины восьмидесятых годов Советский Союз, а до него дореволюционная Россия не имели четко обозначенной государственной границы с Кореей. – Отчеканив эту фразу, Роднин подался вперед, навалившись грудью на стол. – Соображаешь? Конвенция пятьдесят седьмого года не определяла, какую конкретно линию должны охранять наши пограничники, а какую – корейские. Граница между территориальными водами была условная, над Японским морем существовал ничейный коридор шириной 12 миль.

– Примерно 22 километра, – прикинул Бондарь. – Знатный коридорчик. Было где разгуляться.

– Вот американцы этим и пользовались, – подытожил Роднин. – Летали чуть ли не у нас над головами.

– С атомными бомбами. Вы сказали, поступил какой-то сигнал?

– Поступил.

– Хотелось бы ознакомиться.

– Нет ничего проще. – Роднин вытащил из папки страницу и протянул ее Бондарю. – Это распечатка электронного послания, поступившего вчера на официальный сайт нашего ведомства. – Письмо анонимное. Специалисты отследили адрес отправителя, но это нам почти ничего не дает. Неизвестный воспользовался одним из полутора десятков компьютеров владивостокского интернет-клуба. За сутки там бывает до трех сотен посетителей. Конечно, наши коллеги из Приморского управления роют дальше, но шансы выйти на отправителя ничтожны.

– Не согласен, – возразил Бондарь. – Я успел пробежать первые строки и могу предположить, что писавший – мужчина средних лет, довольно грамотный, эрудированный. Разве часто такие появляются в интернет-клубах? Да он бы выделялся в толпе подростков как белая ворона! Его наверняка заметили бы и запомнили.

– Я сделал аналогичный вывод, – сообщил Роднин. – И тоже ошибся. Мужчина средних лет вчера в клубе не появлялся. Что это значит?

– Заранее написал письмо, а потом поручил отправить его кому-то другому, – задумчиво пробормотал Бондарь.

– Вот видишь, как все не просто, – вздохнул Роднин. – Но ты читай, читай. Хочу услышать твои соображения по этому поводу.

– Есть, читать, товарищ полковник.

Бондарь перевел взгляд на лист бумаги. Четкие печатные буквы сложились в строки, строки – в абзацы, абзацы – в текст. А в висках застучали тревожные молоточки.

Руководству ФСБ России. Срочно.

Обращаюсь к вам, чтобы предотвратить готовящееся преступление. Надеюсь, вы отнесетесь к моему сообщению со всей ответственностью.

Точная дата мне не известна, но в период между 1964 и 1967 гг. вдоль юго-восточной границы СССР совершил учебный полет самолет ВВС США с двумя атомными бомбами на борту. Речь идет о «Стражнике» – такое название носил бомбардировщик «Б-52». Серийные номера бомб: «MOS 645» и «MOS 692».

– Данные сходятся? – рассеянно поинтересовался Бондарь.

– Частично, – ответил Роднин. – На самом деле номера бомб этой серии значительно длиннее. Но указанные буквы и цифры присутствуют, мы проверяли.

– Ага.

...Самолет выполнял ночной полет над нейтральными водами Японского моря, двигаясь от Корейского пролива на северо-восток вдоль побережья СССР. Насколько мы знаем, это был плановый вылет по программе НАТО. На борту находились пять человек экипажа и один наблюдатель.

– Обращаю ваше внимание, – сказал Бондарь, щелкая по странице с текстом. – Сначала написано: «дата мне не известна»; потом: «насколько мы знаем». Интересно, автор нечаянно оговорился или проговорился?

– Вопрос к Зигмунду Фрейду, – проворчал Роднин. – Не отвлекайся, капитан. Анализировать потом будешь. Пока что вникай.

– Да вник я, товарищ полковник. Могу повторить по памяти.

– Я тоже могу повторить по памяти.

– И вы серьезно относитесь к этой писульке? – спросил Бондарь, откладывая бумагу. – Какие-то злоумышленники отыскивали утерянные американцами бомбы и собираются воспользо-

зоваться ими? Но на какой глубине лежат гостинцы дядюшки Сэма? Два километра? Три? Японское море глубокое.

– Местами, – возразил Роднин. – В непосредственной близости от залива Петра Великого, где произошло ЧП, масса островов, банок, отмелей. История, конечно, темная, но во многом правдоподобная. Тот полет указанного самолета действительно имел место. – Роднин позволил себе слегка ослабить узел галстука. – Когда это случилось, нашей разведке удалось добыть секретный доклад Марка Льюисона, натовского наблюдателя, командира эскадрильи Британских Королевских Военно-воздушных сил. Все сходится. Кроме того, к делу приложена выписка из журналов боевых дежурств двух наших подразделений ПВО. – Роднин многозначительно похлопал по тощей папке. – За самолетом наблюдали, вели его от самого Корейского полуострова. Когда нарушитель вплотную приблизился к нашим водам, была объявлена боевая готовность.

– Почему же американца не сбили? – удивился Бондарь.

– За несколько секунд до пуска ракет он резко изменил маршрут, набрал высоту и ушел к берегам Японии. Попытки связаться с экипажем по радио ничего не дали, «Стражник» исчез с экранов наших радаров. На последующий официальный запрос Пентагон и НАТО дали абсолютно одинаковые разъяснения. Самолет сбил с курса, просим извинить за причиненные неудобства.

– Н-да, хорошенькие неудобства, – пробормотал Бондарь, водя пальцем по рубцу на подбородке. – Почему оброненные бомбы не искали тогда? Где их искать теперь?

– Тогда генсек Брежнев распорядился забыть об инциденте, – пояснил Роднин. – Он совсем недавно сменил Никиту Сергеевича, и в его памяти были свежи воспоминания о Карибском кризисе, когда мы чудом избежали ядерной бойни со Штатами. Хрущевская агрессивная политика не устраивала Центральный Комитет. Все хотели мирной спокойной жизни.

– Отыщи мы тогда бомбы, пришлось бы идти с американцами на конфронтацию, – кивнул Бондарь, – понимаю. А потом? Позже?

– А потом суп с котом, – отрезал Роднин. – Сначала застой, затем ускорение, затем перестройка. Тебе краткий курс истории государства Российского прочитать, или сам сообразишь?

– Ладно, обойдемся без экскурсов в прошлое. Что мы имеем на сегодняшний день? – Бондарь уселся поудобнее. – Автор утверждает, что группа неизвестных лиц обнаружила бомбы и намеревается поднять их со дна для тайной передачи правительству Ким Чен Ира. Это вызывает у меня сомнения. Масс-медиа чуть ли не ежедневно трубят о том, что Северная Корея давно обладает ядерным оружием. Стоит ли игра свеч? Зачем Ким Чен Иру допотопные атомные бомбы, когда его страна обладает развитыми ракетными технологиями? Я недавно читал меморандум ЦРУ по этому поводу, – припомнил Бондарь. – В нем утверждается, что северокорейские ракеты в состоянии нанести удар по территории США.

– Блеф, шулерство, – отмахнулся Роднин. – Корейцы просто берут Америку на пушку. Парни из ЦРУ прекрасно знают это, но подыгрывают Ким Чен Иру.

– Зачем?

– Лоббируют интересы Пентагона. Ах-ах, господин президент, ах-ах господа конгрессмены, срочно нужны деньги для предотвращения военной угрозы! Те, в свою очередь, тоже прикидываются, будто ужасно обеспокоены демаршами Северной Кореи. – Роднин невесело усмехнулся. – Ким Чен Ир дает им формальный повод для вооруженного вмешательства.

– Опасная игра, – заметил Бондарь.

– И крайне грязная. Смотри, что получается, капитан. Допустим, американцы повышают цены на топливо, поставляемое на Корейский полуостров. Корейцы тут же объявляют, что запускают законсервированные ранее ядерные реакторы. Потом Буш, к примеру, причисляет КНДР к «оси зла», на что следует обещание провести испытания ядерного оружия. И т. д. и т. п.

– Бесконечный политический сериал, – хмыкнул Бондарь.

– Именно так, – согласился Роднин. – Но заметь, постепенно Северная Корея начинает терять инициативу. Вороны шарахаются от огородного пугала лишь до тех пор, пока не убедятся в его беспомощности.

– Ким Чен Ир – не пугало.

– Чтобы доказать это, ему позарез необходимо произвести хотя бы небольшой ядерный взрыв.

– Вот, значит, зачем ему понадобились атомные бомбы, – протянул Бондарь.

– Ну, пока что это лишь мои, наши предположения, – напомнил Роднин. – Они требуют либо подтверждения, либо опровержения. Хороши же мы будем, если поднимем шум на весь мир, а в итоге окажется, что автор письма – пациент психиатрической клиники.

– Нельзя исключать также вероятность банального розыгрыша.

– Разумеется. Короче говоря, игнорировать письмо нельзя, но и выставить себя в дурацком свете мы тоже не имеем права. Требуется тщательнейшая проверка. Не забывай, капитан, бомбы находятся на нашей территории.

– Если они существуют, – вставил Бондарь.

– Американцы спят и видят, как пригвоздить нас к позорному столбу, – продолжил мысль Роднин. – Стоит им проведать, что бомбы попали в Северную Корею из России, как нас тут же обвинят в пособничестве международному терроризму. Одних только туманных слухов об этой истории хватит, чтобы потом отмываться до скончания века. Вот почему мы решили не проводить полномасштабное расследование. Сначала нужно хорошенько прощупать почву. И это сделаешь ты, Женья.

– Какое-то дурацкое задание, – посетовал Бондарь. Поскольку начальник отдела обратился к нему по имени, он мог позволить себе быть предельно откровенным. – Я чувствую себя героем дешевого шпионского романа в духе Джеймса Бонда. – Ядерная угроза, письмо, тайная встреча с его отправителем. Почему он выбрал корейский ресторан?

– Сие неведомо, – развел руками Роднин. – Могу предположить, что корейский ресторан выбран не случайно. Во-первых, такой приметный посетитель, как ты, сразу бросится в глаза присутствующим. Так проще установить за тобой слежку.

– А во-вторых?

– А во-вторых, если информатор обладает азиатской наружностью, то попробуй вычисли его в корейском ресторане.

– Логично, – согласился Бондарь, возвращая полковнику письмо.

Роднин аккуратно вставил бумажную страницу на место, закрыл папку и передал ее через стол со словами:

– Ознакомишься и вернешь. Вылет во Владивосток завтра. Оружия не брать, с коллегами из областного управления без согласования со мной в контакт не вступать. Командировочные и билеты получишь у Алтынниковой, я распорядился. Вопросы есть?

– Последний, – сказал Бондарь.

– Выкладывай.

– Насколько я понимаю, меня опознают в ресторане по заказу. Корейский сыр с танхонским йогуртом, хм. – Бондарь криво улыбнулся. – Я обязан пробовать это сомнительное блюдо, или позволите воздержаться? По правде говоря, азиатская кухня мне не внушает доверия. Зальют йогуртом всяких там букашечек-таракашечек, а я расхлебывай?

– На этот счет можешь не беспокоиться, – улыбнулся в ответ Роднин. – Ни сыра, ни йогурта тебе не подадут.

– Откуда вы знаете?

– Корейцы не употребляют в пищу кисло-молочные продукты. Корейского сыра не существует в природе. – Улыбка Роднина просветлела еще сильнее за счет обнажившихся золотых коронок на боковых зубах. – Если тебя и накормят во время беседы, то всего лишь пловом

из собачатины или ухой из рыбьей чешуи. Потом поделишься впечатлениями, капитан. Давно хочу понять, почему это все помешались на корейских и японских ресторанах? Чем их там кормят, что они туда толпами валят?

– Ну спасибо, товарищ полковник, – помрачнел Бондарь, – спасибо.

– На здоровье, капитан, – ответил Роднин, не сморгнув глазом. – И не забудь про наш уговор насчет алкоголя и никотина.

– Эх, если бы я знал, в чем будет заключаться мое задание!

– Теперь вы знаете, товарищ капитан, – очень сухо и официально произнес Роднин, давая понять, что аудиенция окончена. – Приступайте к выполнению.

Бондарь молча поднялся, пересек кабинет, держа тощую папку в руке, и вышел, прикрыв за собой дверь так аккуратно, словно она была стеклянной. Только его выдержка уберегла дверь от неминуемых повреждений. Поистине героическая выдержка.

Глава 5

К чему приводит несоблюдение техники безопасности на производстве

Сегодня он был не Шестым, не Седьмым и не Восьмым, и это ему нравилось. Обидно, когда вместо имени, данного родителями, тебе присваивают порядковый номер. Вдвойне обидно, если ты не какой-то там ноль без палочки, а человек во всех отношениях достойный и уважаемый.

С такими мыслями Пак Киль Хун, глава Приморской Ассоциации Строителей КНДР вел свою новехонькую «Тойоту» по проспекту Острякова, двигаясь в направлении Куперовой пади. Он гордился своим именем, представлявшим собой сочетание двух иероглифов. Два иероглифа из семидесяти тысяч – разве такой подход не есть высшее проявление уважения к человеческой индивидуальности? Киль Хун – это вам не Ваня, не Петя или Вася. Неважно, что корейцы позаимствовали иероглифы у древних китайцев, главное, что они постигли значение каждой из причудливых закорючек. Их имена красивы, поэтичны и загадочны, как коаны дзен.

– На голой ветке ворон сидит одиноко, – с чувством произнес Пак Киль Хун. – Весне не рад.

Найденный образ показался ему удачным. Прибавившая ход «Тойота» нырнула под газопровод и вывернула на Хабаровскую улицу, огибающую Корейскую сопку. Мысль о том, что неподалеку находится штаб-квартира ОРКИ была неприятна, но теперь диктаторским замашкам Председателя осталось существовать недолго. Скоро в принадлежащем Пак Киль Хуну ресторане появится чекист из Москвы, и тогда с Обществом будет покончено. Довольно этих ужасных заседаний со смертельными исходами, довольно опасных поручений, довольно поборов и бессонных ночей. Один раз рискнуть – и обрести свободу. Пак Киль Хун не мальчик, у него не так много времени осталось, чтобы посвящать его кому-то другому, кроме себя и членов своей семьи.

– Звездной ночью, – пробормотал он, – жизнь мне пригрезилась. Проснулся уже седым...

Переключив передачу, Пак Киль Хун торжествующе усмехнулся. Да он настоящий поэт! И он отважный человек, коли осмелился известить ФСБ о готовящемся преступлении. Не зря его род восходит к одной из десяти царских династий Пак. Мысль о том, что то же самое могут сказать миллионы других обладателей этой фамилии, Пак Киль Хун не смущала. Он чувствовал себя настоящим героем.

В открытое окно врывались дурманящие запахи первой зелени. Мимо проплывали важные двенадцатизатжки, выросшие на месте прежних лачуг из фанеры, жести, старых досок и картона. Корейская слободка совершенно преобразилась за последние сорок лет. Не Сеул и не Гонконг, но и не прежняя дыра, которую во Владивостоке презрительно называли «свиным хлевом». Все течет, все изменяется. Отрадно, когда в лучшую сторону.

Обогнув больничный корпус на улице Садовой, «Тойота», безропотно повинующаяся Пак Киль Хуну, устремилась дальше. Минут через десять, добравшись до окраины слободки, он притормозил на территории заброшенной хлебопекарни. Здесь размещался его недавно созданный цех по изготовлению пластмассовых надгробий, гробов, венков и прочих похоронных атрибутов. Городские власти не позволили разместить предприятие ближе к центру Владивостока. Почуввав густой смрад, окутывающий округу, понять мотивацию такого решения можно было легко и сразу. Невольно морщась, Пак Киль Хун захлопнул дверцу автомобиля и двинулся к входу в здание. Возле крыльца стоял обшарпанный «Ниссан-патруль», но людей рядом не было. Никто не спешил встречать шефа. «Хотя методы Председателя бесчеловечны, – раздраженно подумал он, – иногда они себя оправдывают. Безобразие! Попросили меня прие-

хоть, чтобы решить возникшие проблемы, а сами не проявляют элементарного уважения. Вот и делай после этого добро людям».

Толкнув дверь, Пак Киль Хун переступил порог цеха. Пластмассовое литье не являлось главным направлением его деятельности, но он решил попробовать силы на новом для себя поприще, рассчитывая на неплохую прибыль. На благодарность соотечественников, получивших рабочие места, он тоже рассчитывал. До сегодняшнего дня.

Коридор был темен и грязен, как крысиная нора. Спотыкаясь о хлам, сваленный прямо посреди прохода, Пак Киль Хун двинулся навстречу сквознякам и зловонию. Крыша над головой была частично разобрана, голые дверные проемы и обнажившаяся кирпичная кладка заставляли вспомнить кадры военной хроники. Непосредственно перед входом в производственное помещение висела вывеска: «Ритуальные услуги. Дешево, надежно, своевременно». Пак Киль Хун подумал, что слово «своевременно» не слишком уместно для похоронного сервиса. Зато логотип на табличке ему понравился. Это было изображение двух слившихся в окружность капель, красной и синей, как на государственном флаге Северной Кореи. Знаменитая эмблема из «Книги перемен», символизирующая вечное единство противоположностей.

Зачем-то погладив вывеску рукой, Пак Киль Хун проник в громадное помещение, стены которого утопали в тени, а центр пронизывали косые столбы солнечного света. С ними пыталась соперничать по высоте гора пластиковых бутылок, наваленных в дальнем углу. Если не считать котла с бурлящим вонючим варевом, то ничего не говорило о присутствии в цехе людей. Людей, которые, между прочим, претендовали на зарплату.

– Эй! – сердито крикнул Пак Киль Хун. – Тут есть кто живой?

Таковых не оказалось. Эхо грянуло и смолкло, растекшись по сырым стенам с обвалившейся штукатуркой. Покосившись на шеренгу мешков с пластмассовыми гранулами, Пак Киль Хун поспешил отвернуться. Мешки отдаленно напоминали толстых белесых призраков, молчаливо наблюдающих за происходящим. Щебень неприятно захрустел под подошвами Пак Киль Хуна, инстинктивно двинувшегося в сторону солнечного света. Выйдя на середину помещения, Пак Киль Хун остановился, озадаченно глядя на единственное отлитое работниками надгробье. Лоснящееся, гладкое, имитирующее полированный мрамор, оно было безнадежно испорчено корявыми иероглифами, нацарапанными на поверхности.

«Сансое кочки пхи-отта ни-да, – прочитал Пак Киль Хун, медленно шевеля губами. – На могиле его предков не зацвели цветы».

Что за бред? Распустившиеся цветы на могилах, по преданиям корейцев, предвещали потомкам умерших богатство и почет. Соответственно не распустившиеся цветы означали бесчестье. Какой идиот испортил надгробье столь неуместной надписью? И почему ему вздумалось воспользоваться для своих художеств гвоздем или каким-то другим острым предметом?

Догадка Пак Киль Хуна насчет острого предмета подтвердилась, когда он повернулся на звук шагов, решительных и вкрадчивых одновременно. К руководителю Приморской Ассоциации Строителей КНДР приближался незнакомый молодой человек с широким треугольным клинком в руке. Белая сорочка с галстуком придавала мужчине праздничную торжественность, а черные очки выглядели издали пустыми глазницами. Заглянув в эти глазницы, Пак Киль Хун понял, что его дни сочтены.

Впрочем, счет уже шел не на дни, а на минуты или даже на секунды.

– Стой, где стоишь, – распорядился человек в белой сорочке. – Не пытайся удрать, все равно догоню. Я просто задам тебе несколько вопросов, а ты мне на них ответишь. Добровольно и предельно откровенно. Хорошо?

Миролюбивый тон незнакомца слегка успокоил Пак Киль Хуна, но особого облегчения он не почувствовал. В отличие от большинства худых, как щепки, соотечественников он обладал довольно тучным телосложением и страдал от повышенной потливости. Казалось, ткань его костюма блестит от стремительно пропитывающей ее влаги.

– В чем дело? – прохрипел Пак Киль Хун, суетливо доставая из внутреннего кармана мобильный телефон. – Кто ты такой?

– Меня прислал Председатель, – смиренно ответил человек в белой сорочке. – Если ты попробуешь набрать номер, я отсеку тебе руку, любую, на выбор. – Мужчина поднял клинок, засверкавший в лучах солнца. – Это очень острый нож. Им можно бриться, а можно резать людей на кусочки. Ни кости, ни сухожилия ему не помеха. Сверхпрочное лезвие. Самозатачивающееся.

– Не подходи, – взвизгнул Пак Киль Хун, брызгая горячим прямо в штаны. – Убирайся! Только Председатель вправе требовать от меня отчета!

– Вот он и требует, – сказал мужчина, занявший такую позицию, что проскочить мимо него к выходу было невозможно. – Ты не только его предал. Ты предал Родину.

– Нет! – пронзительно возразил Пак Киль Хун.

– Нара ом-нын сара ман чип ом-нын кэман мотхада, – безжалостно закончил тираду мужчина. – Человек без родины – хуже бездомной собаки. Не хочешь собачьей смерти? Тогда рассказывай, что за письмо ты отправил по Интернету в главное управление ФСБ. Зачем? О чем говорилось в письме?

– Я не понимаю, о чем ты говоришь!

– Ты прекрасно понимаешь.

– Клянусь!

– Не надо клясться, это бесполезно, – покачал головой страшный человек в белой сорочке, который каким-то чудесным образом очутился совсем близко. Ни один камешек не хрустнул под его ногами. Словно он скользил по льду, а не по щебню, устилающему пол цеха.

Подпрыгнув на месте, Пак Киль Хун развернулся вокруг оси и кинулся наутек. Он почти успел обогнуть емкость с кипящей пластмассовой смолой, когда правую икру пронзила резкая боль. Мышцы свело судорогой. Пак Киль Хун шумно упал на колено онемевшей ноги.

– Ох-х, – вырвалось из его пересохшего горла.

– Вытащи нож, – предложил преследователь, остановившийся за спиной.

– Нож?

Пак Киль Хун тупо уставился на стальную занозу, торчащую из его ноги. Крови не было. Во всяком случае, до тех пор, пока нож не был выдернут из раны. Застонавшему Пак Киль Хуну пришлось встать на четвереньки, чтобы не быть затянутым в черный водоворот головокружения. Страх куда-то исчез, заслоненный невероятной слабостью и тошнотой.

– Мне плохо, – пожаловался Пак Киль Хун. Правая штанина стремительно пропитывалась горячей кровью. Гул в голове накладывался на бурление вонючей жижи в котле.

– Будет еще хуже, – пообещал мучитель, поднимая оружие. – Я могу метать в тебя нож, пока ты не истечешь кровью, как свинья. А могу придумать что-нибудь другое. – Он сунул в карман выроненный жертвой телефон и горделиво добавил: – Председатель не случайно поручил мне разобраться с тобой, паршивая свинья. У меня на счету несколько десятков таких, как ты. Знаешь, как меня прозвали? Моя кличка – Пью, Билет. Догадываешься, куда? – Мужчина в белой сорочке указал острием ножа на дырявую кровлю. – На тот свет. Будешь говорить, или начать строгать тебя заживо? Учти, ничего, кроме удовольствия, мне это не доставит.

– Откуда вы узнали? – всхлипнул Пак Киль Хун, усаживаясь на зад. В такой позе он напоминал беззаботного отдыхающего, нежащегося на солнце, но лужица крови и хлопающая штанина разрушали эту иллюзию.

– Когда платишь за услуги тринадцатилетним подросткам, – сказал опустившийся на корточки мужчина, – не следует проявлять столь подозрительную щедрость. – Дал бы ты мальчишке сотню, он бы купил себе сигарет, пива, и никто не заинтересовался бы, откуда у него деньги. Но ты дурак, Пак Киль Хун. Ты безмозглый кретин. Тысяча рублей – вот так дела! Мальчишка принялся угощать одноклассниц шоколадом и шампанским, а те растрезвонили

об этом на всю округу. – Мужчина уколол Пак Киль Хуна ножом, не давая тому грохнуться в обморок. – Эй, не спи. Я выложил тебе все, теперь твоя очередь. И не вздумай плести небылицы про деловую переписку с партнерами. Мальчишка, которому ты поручил отправить письмо, слишком туп, чтобы поинтересоваться текстом, но адрес он запомнил. – Клинок вонзился в ляжку взывшего Пак Киль Хуна. – ФСБ! – рывкнул мужчина. – Ну, что у тебя за дела с московскими чекистами? Ты известил их о готовящейся операции?

– Нет, – пролепетал Пак Киль Хун, отползая назад с таким выражением лица, словно видел перед собой не человека, а исчадие ада. Буйного демона, вырвавшегося из Долины Вечных Сумерек.

– Как? – негодовал демон. – Ты решил упорствовать? Ты не хочешь очистить душу чисто-сердечным признанием?

– Нет, – рыдал Пак Киль Хун, не понимая, для чего его хватают за лацканы пиджака и ставят на ноги. – Я не предавал. Я просто написал письмо одному своему высокопоставленному родственнику. У него хорошие связи в Москве. Он мне помогает.

– Врешь, – прорычал мужчина в белой сорочке. – Сказал бы, что ты в родстве с Хакамадой, я бы, может, тебе поверил. Но ты писал на сайт ФСБ! Что? Отвечай, трусливая свинья!

Не дожидаясь, пока Пак Киль Хун откроет рот для новых оправданий, он завладел его рукой и, сопя от напряжения, окунул ее в расплавленную пластмассу. Крик, потрясший своды цеха, всполошил птиц всей округи, дружно взмывших в небо. Обезумевший от боли Пак Киль Хун смахнул с лица нападавшего очки и вновь вознамерился броситься наутек, но был пойман за полу пиджака и брошен на пол.

– Шутки кончились, – предупредил незнакомец, подслеповато мигая маленькими черными глазками. – Посмотри на свою клешню, ублюдок. Хочешь весь стать таким же?

Подчинившись, Пак Киль Хун забился в истерике. Рука от кончика пальцев до локтя была покрыта лаково блестящей коркой цвета жженого сахара. Дымящаяся, потерявшая привычную форму, она походила на обугленную головешку.

– Повторить? – спросил мужчина, успевший нацепить на нос солнцезащитные очки. – Нет? Тогда в твоём распоряжении две минуты. – Сняв очки, он досадливо осмотрел треснувшее стекло. – Ты мне надоел. Такую вещь испортил, скотина. – Мужчина пнул скулящего Пак Киль Хуна.

Ничего больше не потребовалось. Исповедь была сбивчивой, но исчерпывающей. Пак Киль Хун действительно сдал Общество российской спецслужбе. Он надеялся, что разгром ОРКИ и арест Председателя сделает его свободным и независимым человеком.

– Как называется твой ресторан? – спросил мужчина, умудрившийся сохранить некоторую щеголеватость, несмотря на косо сидящие очки и съехавший набок галстук. Нож в его руке тускло мерцал.

Разумеется, Пак Киль Хун ответил. Он также сообщил мучителю адрес и позвонил в ресторан, предупредив управляющего, что с сегодняшнего дня на работу заступает новый администратор.

– Кто, говоришь, должен явиться на встречу? – склонил голову к плечу мужчина, не выражая ни малейшей радости по поводу своего назначения.

– Я не знаю, – горестно промямлил Пак Киль Хун, баюкая свою изуродованную руку. Застывший пластмассовый панцирь потрескивал и крошился, но сниматься упорно не желал. Разве что с кожей.

– Повтори еще раз, что должен заказать в ресторане гонец из Москвы. – Затемненные стекла очков не скрывали хитрого прищура их владельца. – Кажется, ты сказал: печеные каштаны и маринованные в остром соусе крабы?

– Танхончский йогурт и корейский сыр.

– Что за блажь взбрела тебе в голову? Такой заказ может сделать только полный болван.

– Или тот, кто знает пароль, – прошептал Пак Киль Хун. – Отвези меня в больницу, Пьо. Скорее. Я умираю.

Как ни странно, мужчина в белой сорочке помог несчастному подняться и ободряюще улыбнулся, приобнимая его за талию.

– Из нас могла бы получиться отличная пара, – сказал он. – Люблю пухлых мужчин. Вы такие мягкие. – Он вогнал стальной клин под ребра Пак Киль Хуну. – Такие податливые. Оп, оп.

Нож замелькал, словно подсоединенный к механическому поршню. Сладострастно посапывая, Пьо левой рукой удерживал жертву напротив себя, а правой кромсал беззащитный живот, то и дело поворачивая липкую рукоятку по часовой стрелке. Он не боялся испачкаться чужой кровью, хлещущей во все стороны. В его «Ниссане» хранилась заранее заготовленная смена одежды. Белая сорочка, темные брюки, подобранный в тон галстук. Вот только новых очков не было. Вспомнив об этом, Пьо нанес удар такой чудовищной силы, что окровавленный кулак провалился во вспоротый желудок осевшего наземь Пак Киль Хуна, после чего пришлось долго избавляться от намотавшихся на руку дымящихся кишок.

Покончив с заданием, Пьо разделся догола и с наслаждением проделал то, ради чего работал наемным убийцей. Использованное мертвое тело было подвoločено к емкости с бурлящей массой и брошено туда со следующим комментарием:

– Сойдет за несчастный случай. Хотя мне, ха-ха, случай показался очень даже счастливым.

Глава 6

Тайн у японского моря становится чуточку больше

Выслушав доклад Пью, Председатель Ли отключил телефон, сомкнул лишенные ресниц веки и откинулся на спинку кресла. Мысли, рождавшиеся в мозгу, были не слишком обнадеживающими. В его подчинении находилось около полутора сотен человек, но и среди этой горстки корейцев то и дело выявлялись предатели, мечтающие погубить общее дело. Как же тяжело править тому, под началом которого находится многомиллионный народ! Политики, обвиняющие Ким Ир Сена в тирании, просто безответственные болтуны. Бразды правления не удержишь вялой рукой. Ласковыми увещеваниями людей к цели не направишь.

Председатель Ли вздохнул. В открытый иллюминатор врывается свежий запах моря, напоминающий о том, что где-то на юге лежит родина, заждавшаяся своего верного сына. Сколько лет Председатель не был дома? Как долго ему еще носить грубое, тяжеловесное имя Константин, режущее деликатное ухо уроженца Страны Утренней Свежести? Председатель Ли устал выдавать себя за полностью обрусевшего корейца. Ему не хватало простых радостей, доступных дома. Под лежанкой тлеет очаг с древесными углями, верная жена обрезает мужу ногти на ногах или чистит ему уши специальной лопаткой из слоновой кости. Стоит пошевелить пальцем, и любое пожелание мужа будет исполнено. Безропотно и со скрупулезной точностью.

– Ты спишь? – донеслось до Председателя.

Он неохотно открыл глаза и посмотрел на семнадцатилетнюю девушку у своих ног. Ее настоящее имя переводилось как Трепещущий Лепесток, но Председатель звал ее Пом – Весна. До этого были соответственно Каул и Кйоул – Осень и Зима. А вот очередной любовницы по прозвищу Лето не предвиделось. Или Председатель с честью выполнит задание и вернется наконец домой, или навсегда останется в России. Под толщей чужой земли.

– Я не сплю, – произнес он. – Ты же знаешь, что для сна мне хватает четырех часов в сутки.

– Хотела бы и я так, – прошептала Пом. – Столько бы времени свободного появилось.

Председатель взглянул на нее с веселым любопытством:

– Зачем тебе свободное время?

– Ну, не знаю, – передернула хрупкими плечиками Пом. – Зачем-нибудь.

Ее взгляд скользнул по облезлым панелям из красного дерева, переметнулся на стол, заваленный картами и бумагами, остановился на двух койках, расположенных друг над другом. Ей вдруг вспомнилось предпринятое однажды путешествие из Владивостока в Москву, и ее рот перекосялся от непроизвольного зевка. Каюта напоминала купе спального вагона, хотя, конечно, была намного просторнее. Однако веселья от этого не прибавлялось. «Скучно, – подумала Пом, – ох, как скучно». Она посмотрела на черный резиновый костюм для подводного плавания. Валяющийся на вытоптанном бордовом ковре, костюм напоминал шкуру, сброшенную морским чудищем.

– Можно примерить? – спросила Пом, указывая пальцем на заинтересовавший ее предмет.

– Пожалуйста, – усмехнулся развалившийся в кресле Председатель.

Когда девушка раздевалась, он обратил внимание, что ее голубой халат все это время был запахнут справа налево, как у покойницы. Родители Пом слишком долго прожили на чужбине, чтобы помнить традиции предков. Трусики девушка носила настолько бесстыжие, что Председатель только головой покачал. Брошенные на пол, они съезжились до размеров крохотного лоскута, которым и детскую попку-то как следует не прикроешь.

– Мне идет? – игриво спросила Пом, закончив переодевание.

Председатель промолчал. Костюм оказался ей великоват, но шлем облегал голову плотно, делая ее неправдоподобно маленькой. Пройдясь по каюте, хихикая и потешно шлепая ластами, девушка не удержалась от нового вопроса:

– Я похожа на нинзя?

– Японцы – наши заклятые враги, – напомнил Председатель. – Не смей болтать о них в моем присутствии.

– Хорошо, – легко согласилась Пом. – Больше не буду. Но если нельзя говорить про нинзя, то на кого я тогда похожа?

– На молоденькую самку тюленя, – улыбнулся Председатель. – Гладкая, блестящая. И щеки...

– Что – щеки?

– Раздулись, словно за каждой спрятано по рыбешке.

– Это из-за обтягивающей шапочки, – расстроилась Пом и поспешно потянулась к «молнии» костюма.

– Не снимай его.

– Почему?

С этими словами Пом расстегнулась до пупа. Председатель лениво встал и отвесил ей несильную оплеуху, после чего наставительно произнес:

– Потому что я сказал. Застегнись.

– Но мне тесно. – Губы девушки задрожали, в глазах набухли искрящиеся слезы. – И неудобно. И жарко. Кожа взопреет и возьмется сыпью.

– Тогда я прикажу выбросить тебя за борт, – сказал Председатель. – Зачем мне взопревшая, прыщавая любовница?

Наверное, это была шутка, но взгляд Председателя заставил девушку вздрогнуть.

– За что? – пролепетала она.

– Ты совершенно не умеешь себя вести, – пояснил Председатель. – Вот походишь до ночи в водолазном костюме, сразу поумнееешь. Я заплатил твоей семье слишком крупную сумму, чтобы терпеть твои детские выходки.

– Но я, но я, – Пом зарделась, – я хочу пи-пи.

– Это твои проблемы. Но если ты осмелишься самовольно раздеться, то пеняй на себя. Ты должна хорошенько усвоить, кто твой хозяин.

– Я усвоила, усвоила!

– Недостаточно, – сухо молвил Председатель и вышел из каюты. Настроение его немного улучшилось, как всегда, когда он ощущал свою власть над людьми. Жаль, что не безраздельную.

По обе стороны коридора высились узкие двери, за которыми проходила абсолютно не интересная Председателю жизнь команды корабля. Кто-то плескался в душевой, кто-то травил анекдоты в кубрике, кто-то гремел кастрюлями на камбузе, а из моторного отделения доносился шум работающего на холостых моторах двигателя. Скривившись от резкого запаха солярки, Председатель стал подниматься по крутой лесенке, которую здесь следовало именовать трапом. Но с какой стати? В корейском языке даже слова-то такого не было. Лестница – она и есть лестница.

С такими мыслями Председатель выбрался на не скоблившуюся годами палубу и, едва не ударившись о крюк электрической лебедки, приблизился к борту «Летучей рыбы». Прямо под ним висела бело-голубая шляпка, на дне которой покоились высохшие мумии крыс. Дальше все было заполнено зеленоватой морской рябью. Качка почти не ощущалась. Солнце пригревало совсем по-летнему. Истерично кричали чайки, делая вид, что намереваются спикировать в воду и утопиться от тоски, хотя на самом деле ничего, кроме жратвы, их не волновало.

Как большинство особей человеческого стада, отметил про себя Председатель.

Обернувшись, он критическим взором окинул захлавленную палубу и собравшийся на ней народ. Удастся ли выдать себя за японскую экспедицию? Пожалуй, что да. Документы на яхту и членов команды в полном порядке, а если нагрянут пограничники с вопросами, то всегда можно сослаться на незнание русского языка. Не нагрянут, решил Председатель, взвесив все «за» и «против». Мы ведь не занимаемся браконьерством – это невооруженным глазом видно. А раз так, то какое всем до нас дело? Тем более, что на всякий случай заготовлены фальшивые охранные грамоты от губернатора Приморского края и межправительственного комитета Российской Федерации. А на мачте «Летучей рыбы» гордо реет фирменный стяг японской нефтяной корпорации «Джи-Оу-Си».

Председатель снова повернулся к морю и напряг зрение, силясь разглядеть водолазов, работающих на глубине. Тщетно. От нечего делать пришлось тащиться в рубку. Заметив приближение арендатора капитан Лаврюхин схватился за штурвал и уставился вдаль. В этом не было никакой необходимости, поскольку яхта стояла на якоре, но Лаврюхин честно отрабатывал деньги.

«Будет жалко убивать этого морского волка, – подумал Председатель. – Забавный малый».

– Ничего нового? – спросил он вслух.

– Все по-прежнему, – почтительно ответил Лаврюхин. Его седая борода находилась в беспрестанном движении, словно он жевал что-то или копил во рту слюну, чтобы как следует сплюнуть. – В эти воды редко кто заплывает. Скалы кругом. – Лаврюхин кивнул в сторону острова Мельникова, представляющего собой хаотичное нагромождение камней и утесов, торчащих из моря. Из-за множества бакланов и чаек, гнездящихся на острове, он казался покрытым снегом. – Тут на дне два корабля затонувших, – продолжал Лаврюхин, энергично двигая челюстями. – Наша рыболовная шхуна и японский эсминец. Будь у нас осадка поглубже, мы бы запросто могли напороться на мачты.

– На то и капитан на судне, чтобы подобного не произошло, – обронил Председатель.

Приставив ладонь ко лбу, он окинул взглядом горизонт, проверяя, нет ли поблизости других кораблей. Блики на воде слепили, как тысячи солнечных зайчиков, пускаемых в глаза. Залив Петра Великого был безбрежен и пустынен.

Благодатные места! Какое многообразие живности скрывается в толще прибрежных вод! Неудивительно. Ведь залив находится на стыке двух природных зон: умеренной и субтропической. Не слишком холодная зима, очень теплое, но не знойное лето, когда поверхность воды в заливе прогревается до двадцати четырех градусов. Чем не курорт?

– Рай, суший рай, – заулыбался Председатель, думая о том, что однажды залив отойдет Корею. – Говорят, летом тут вода буквально кипит от рыбы.

– Косяки уже с юга на нерест повалили, – сказал Лаврюхин. – Повернитесь-ка туда. Правее, еще правее. Плавники видите? Это стая сельдевых акул. Их там штук двадцать, не меньше. За косяками минтая или трески гонятся. Обычное дело.

– Акулы? – насторожился Председатель. – Почему раньше меня не предупредили?

– А что бы это изменило? – пожал плечами Лаврюхин. – Да вы не переживайте, шеф. Эти твари на людей не нападают.

– Почему?

В тоне Председателя прозвучало искреннее удивление. Никто не дождался бы от него пощады, будь он одной из тех тварей, которые не только резали серповидными спинными плавниками поверхность, но и выпрыгивали из воды. Одна акула, охваченная охотничьим азартом, вертелась так близко, что можно было разглядеть темные пятна на ее бледном ненасытном брюхе.

– Их длина не превышает полутора метров, – пояснил Лаврюхин. – Слишком маленькие.

– Нападали бы все разом, – сказал Председатель.

– Может, когда-нибудь додумаются. Но пока что люди едят сельдевых акул, а не наоборот. Китайцы и японцы ловят их специальными жаберными сетями. – Лаврюхин позволил себе свойскую ухмылку. – Вы должны это знать как уроженец Страны восходящего солнца.

– Заходящего солнца!

– Ха-ха-ха! Не любите япошек?

– Не больше, чем акул, – отрезал Председатель.

– Не могу разделить вашу точку зрения, – ухмыльнулся Лаврюхин еще шире. – Лично мне акулы импонируют гораздо сильнее. Сельдевые – мелочь пузатая, но видели бы вы китовых или белых!

– Белые акулы?

– Самый опасный морской хищник. Говорят, встречаются двенадцатиметровые экземпляры, но я видел только семиметровых. Ох и свирепое чудище! Не зря моряки окрестили его «белой смертью»!

Председатель прищурился, следя за мельканием косых плавников:

– Хочешь сказать, сюда заплывают белые акулы?

– Случается, – подтвердил Лаврюхин. – К счастью, на людей они нападают редко, в самых крайних случаях.

– Когда проголодаются?

– Угу. И только в теплой воде – на холоде белые акулы вообще не едят, постятся. Разве что...

– Что? – поторопил капитана Председатель.

– Разве что кровь в воде почуют, – закончил тот фразу.

– Кровь?

– Ну да.

– Надеюсь, – произнес Председатель, – надеюсь, что мы обойдемся без кровопролития.

Лаврюхин, встретившийся с ним взглядом, внезапно обнаружил, что глаза у собеседника черные и абсолютно пустые, точь-в-точь как у акулы, в независимости от того, почуяла ли она запах крови или нет. И пробил Лаврюхина легкий озноб, хотя солнце светило вовсю. И подумал он, что шансов на то, что путешествие завершится без кровопролития, гораздо меньше, чем хотелось бы.

Марку Андреевичу никогда еще не доводилось иметь дело с такими исполнительными и бестолковыми напарниками, какими зарекомендовали себя корейцы. Стремглав бросаясь выполнять любое поручение, они по запарке могли вывести из строя кислородную станцию, расколоть об камни маски или запутаться в страховочных тросах. Про таких говорят: «Заставь дурня богу молиться, он себе лоб расшибет». А бог у корейцев был требовательный. Звали его Константином Ли.

В свои сорок два года Марк Андреевич перевидал много всякого народа и неплохо разбирался в людях. Так вот, Константин Ли представлялся ему одним из самых опасных и неприятных типов, с которыми его когда-либо сталкивала судьба. Тщедушный, большеголовый, узкоглазый, он напоминал ожившее изваяние злобного азиатского божка, требующего все новых и новых жертвоприношений. Куда запропастился тот вежливый улыбчивый паренек, который во время тренировочного погружения имел несчастье сломать ногу, застрявшую в каменной расщелине? Корейцы в один голос утверждали, что беднягу забрал на берег катер, специально присланный ночью, но Марк Андреевич сильно сомневался в этом. Сон у него был чуткий, а никакого постороннего шума он не слышал. Так куда же подевался паренек? И почему его товарищи мрачнеют, когда о нем заходит речь?

Повернув голову, Марк Андреевич посмотрел на четыре человеческие фигуры, парящие в пронизанной солнечными лучами воде. Серебристые пузырьки воздуха, тянущиеся за аквалангистами, свидетельствовали о том, что ровно дышать они еще не привыкли, но ластами

работали все неплохо, компенсируя отсутствие опыта присущей корейцам старательностью. Ни один из них не отклонился от курса, когда пришлось плыть сквозь скопище крохотных медуз-крестовиков, яд которых моментально поражает нервную систему. Конечно, полусантиметровая ткань костюмов надежно предохраняла от жгутиков медуз, но пробираться сквозь их желеобразную массу было все равно неприятно. Даже Марк Андреевич испытывал внутренний трепет, так что тогда говорить про корейских юношей, для которых подводные путешествия были в диковинку.

Как ни крути, а не слишком надежная команда, в который раз подумал Марк Андреевич. Скорей бы экспедиция завершилась. Несмотря на то что обещанных Константином Ли денег хватало на приобретение двухкомнатной квартиры в центре Владивостока, авантюра была очень и очень сомнительной. Не раз и не два Марк Андреевич корил себя за излишнюю уступчивость. Следовало хорошенько все взвесить, прежде чем пойти на столь подозрительную сделку. Как говорится, жадность фраера сгубила.

Ладно, сделанного не воротишь, осадил себя Марк Андреевич, медленно погружаясь в скалистое ущелье, огибающее побережье острова. Это был широкий темный коридор со стенами из наваленных как попало каменных глыб, густо покрытых розовыми известковыми водорослями, мидиями и актиниями. На двадцатиметровой глубине виднелось песчаное дно, неправдоподобно светлое в сравнении с общим темным фоном. Как будто над каньоном паришь, подумал Марк Андреевич, осторожно шевеля лапами. Чем ниже он опускался, тем мутнее становилась вода. Виной тому были клубы песка, вздымаемые глубоководными обитателями. Камбалы, бычки, гребешки, великое множество морских звезд – эти создания буквально кишели на дне ущелья. Сиреневые амурские звезды были величиной с автомобильное колесо.

«Вот возьму и куплю себе джип вместо квартиры, – подумал Марк Андреевич, представляя себе возмущенные физиономии супруги, сына и невестки, ради которых он связался с корейцами. – Не бедствуем ведь. А я уже который год на разваливающейся колымаге езжу. Неудобно. Вроде как преуспевающий предприниматель, уважаемый человек».

До настоящего преуспеяния Марку Андреевичу было далеко, хотя сил и средств в дело было вложено немало. Современное водолазное снаряжение и оборудование, катер, барокамера, подводные фонари, кислородная станция, штат опытных инструкторов – все это влетало в копеечку. А ведь сезон дайва в Приморье длится лишь с конца апреля по начало октября, да и летом погружениям часто мешают штормы и туманы. Клиентов у водолазной фирмы «Аква-Турсио» хватало ровно настолько, чтобы сводить концы с концами. Чаще всего это были новички, проходящие курсы обучения подводному плаванию по системе «Нау». Корейцы со своей крупномасштабной экспедицией казались учредителю фирмы щедрым подарком судьбы. До тех пор, пока он не заподозрил неладное.

Оценивающий взгляд через плечо заставил Марка Андреевича развернуться и подать спутникам предостерегающий сигнал – один из тех условных знаков, которые заменяли на глубине обычную человеческую речь. Окутанные воздушными пузырьками, корейцы снижались слишком быстро, рискуя напороться на морских ежей и получить порцию игл под кожу.

Не самый плохой результат опасной затеи, пронеслось в мозгу возобновившего движение Марка Андреевича.

Он уже совершенно не верил в преподнесенную ему легенду, согласно которой Константин Ли являлся состоятельным коллекционером военных находок. Близ острова Мельникова имелось полным-полно затонувшего железа, но корейцам приспичило отыскать и поднять со дна именно две неразорвавшиеся авиационные бомбы, покрытые специальной антикоррозийной краской. Толстые и длинные, как промышленные газовые баллоны, они вызывали у корейцев священный ужас. Почему? Ответ был столь пугающим, что Марк Андреевич старался об

этом не думать. Однако бомбы не давали ему покоя даже во сне. *Они были не просто действующие, они были живые.*

Стальные сигарообразные существа, созданные с единственной целью – убивать!

«Развернуться, всплыть, подняться на яхту и заявить, что больше он в эти игры не играет?» – тоскливо подумал Марк Андреевич. Но как потом добраться до берега, если Константин Ли не согласится с таким поворотом событий? Вплыв? Для этого нужно как минимум заправиться кислородом, а корейцы могут воспротивиться этому. Кроме того, не оставлять же им дорогостоящее оборудование. Да и окончательный расчет будет произведен лишь после завершения работ.

«Вот и не возникай, – сердито сказал себе Марк Андреевич. – Взялся за гуж, не говори, что не дюж. А сделал дело – гуляй смело».

Подводный коридор плавно обогнул мохнатую скалу и вывел пятерых аквалангистов на открытое пространство, загроможденное глыбами. В черных провалах горели предостерегающим красным светом асцидии, фосфорически вспыхивали желто-зеленые искорки планктона. Один из корейцев едва не выронил загубник, столкнувшись с большеротым пятнистым окунем, напоминающим летящий в маску камень. Другой заметно отстал от спутников, залюбовавшись светящимися сиреневыми усиками креветок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.